

Литературная газета

Пятница, 20 августа 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

№ 45 (681)

Великая авиационная держава

День советской авиации — 18 августа — стал у нас подлинно всенародным праздником. Миллионы советских людей заполняют в этот день наши аэродромы и с чувством огромного восторга, гордости и любви следят за мастерской воздушной работой сотен и тысяч советских летчиков, парашютистов, планеристов.

День авиации стал праздником авиационного могущества великой социалистической страны, парадом величайших достижений наших летчиков и крупнейших успехов авиационной промышленности.

Советский Союз по праву является великой авиационной державой. Мы обладаем превосходной технической базой советской авиации — первой в мире авиационной промышленностью, созданной за годы сталинских пятилеток. Растущие изо дня в день кадры талантливых конструкторов и инженеров авиации ведут повседневную напряженную работу, давая стране все более совершенные самолеты и моторы, заслужившие мировое признание и славу. На наших советских заводах, из отечественных материалов, руками советских инженеров и рабочих строятся грозные истребители, могучие бомбардировщики, стремительные штурмовики, великолепные транспортные машины, учебные, спортивные, санитарные самолеты. За короткий период наша промышленность овладела сложнейшей техникой строительства моторов и самолетов всех необходимых типов, и сейчас она может дать стране столько боевых машин, сколько понадобится.

Неустанно и последовательно борется она за дальнейшее увеличение радиуса действия, скорости и высоты наших боевых и транспортных машин, обеспечивая реализацию девиза советской авиации — летать дальше всех, выше всех, быстрее всех.

Советская страна обладает лучшими в мире летными кадрами. Этого факта не могут теперь опровергнуть даже наши враги. 24 мировых авиационных рекорда завоеваны нашими героями-летчиками. Вызывающее огромное восхищение всего человечества полеты на Северный полюс и беспосадочные перелеты из Москвы в США через Северный полюс показали всему миру, что нет таких препятствий, которых не преодолели бы наши красные соколы, несущие на крыльях своих самолетов честь и славу своей социалистической родины.

Бесстрашные пионеры неизведанных трасс, соединяющие новыми путями материя, бескорыстные и героические бойцы науки и общечеловеческого прогресса, наши летчики показали всему миру лицо нового, социалистического человека, воспитанного великой партией Ленина — Сталина, вращенного социалистическим народом, несущего миру новую непобедимую культуру. Имена Чкалова, Громова, Водопьянова знают миллионы людей во всех уголках земного шара, их подвиги приветствуют по всему миру, как образцы подлинного служения человечеству в его борьбе за покорение природы.

Простые советские люди, вышедшие из народных масс, осуществили вековые мечты передового человечества о прочном завоевании и изучении Северного полюса, о сближении стран и народов новыми кратчайшими путями, об освоении человеком огромных неисследованных просторов Арктики.

Последние годы были наполнены замечательными победами советской

авиации. Это были победы большевистской организованности, сталинской закалки, величайшей любви и ропота, которые присущи каждому советскому летчику. Это были победы социалистического строя и большевистской партии, вооруживших народы СССР могучей авиационной промышленностью и воспитавших огромное племя героев-летчиков, защищающих дело мира, самоотверженно борющихся за торжество науки и культуры.

В эти годы за рубежом нашей страны летчики фашистских стран уничтожали безоружное население Абиссинии. Сейчас они бомбят беззащитных женщин и детей в Испании, убивают тысячи трудящихся Китая, вписывая в историю преступлений капитализма наиболее кровавые и отвратительные страницы. Их «победы» — бандажные налеты на мирные города, их «подвиги» — кошмарная жестокость, массовая смерть и разрушение огромных культурных ценностей. Авиация фашистских стран — это стая хищных стервятников, несущих на своих крыльях смерть, варварство и рабство.

Трудящиеся всего мира, все передовое и прогрессивное человечество может сделать и делает выводы из этих фактов. Оно проклинает озверевших фашистских варваров и их авиацию, оно восторженно приветствует и чувствует крылатых посланцев страны социализма, где бы они ни появлялись.

Советский народ любит своих героев-летчиков, ценит и поддерживает своих конструкторов, инженеров и техников авиации. Каждый год в день 18 августа народные массы вливают в могучее могущество нашей авиации, готовой по зову партии и правительства разгромить любого врага, который осмелится напасть на социалистическую страну. Народы СССР знают, что советские летчики, советский воздушный флот бдительно и непоколебимо оберегают рубежи нашей родины, и только прилетевшим фашистским бомбардерам, если они захотят испытать на себе могущество авиации социализма.

Советская страна, весь ее народ ни на минуту не забывают о необходимости еще большего укрепления боевой силы нашей авиации, укомплектования ее преданными, советской власти и коммунистической партии кадрами.

Наша молодежь горячо откликается на призыв Ленинского комсомола, подготавливая совместно с Осоавиахимом безотрывно от производства 160 тысяч летчиков, которые выйдут в воздух тогда, когда правительство позовет их на защиту родины. Для молодого гражданина социалистической страны нет профессии более желанной, чем профессия летчика.

Молодые советские патриоты отдадут все силы делу дальнейшего совершенствования нашего воздушного флота, чтобы вместе со всей Красной Армией он мог бить фашистского врага на его собственной территории.

Замечательный праздник 18 августа на Тушинском аэродроме, на аэродроме Ленинграда, Киева, Минска и других городов социалистической страны показал еще раз могущество нашего воздушного флота, поднимавшего авиационную культуру, блестящий рост наших летных кадров. Он показал, что выстоявшая великая Сталиным советская авиация стала могучей силой, грозной для врагов, любимой всем народом социалистической страны.

18 августа в Москве, на Тушинском аэродроме Центрального аэроклуба СССР им. Косарева состоялся авиационный праздник, посвященный Дню авиации. На снимке: руководители партии и правительства товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, Микоян, Ежов, Буденный на трибуне.

Могущество, сила, отвага

18 августа на Тушинском аэродроме

День авиации — это праздник не только героического крылатого племени, воспитанного великим Сталиным.

День авиации — это праздник всего советского народа. Страна любит и чтит свою авиацию. Она видит в ней выражение своего роста, могучее средство защиты, обороны от врагов. Страна знает, что она сильна в воздухе своими самолетами, своими летчиками.

Вот почему сотни тысяч людей потянулись к обширному полю Тушинского аэродрома. Но обширное поле оказалось тесным. Людская лавина затопила все близлежащие районы.

800.000 трудящихся пришли на праздник, чтобы насладиться гордым сознанием могущества своей родины и приветствовать мощь, силу и мастерство своих лучших сынов-соколов, отвоювавших для советской авиации передовое место в мире.

Праздник начался.

В правительственную ложу Центрального аэроклуба входят товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Ежов, Микоян, Хрушев, Чубарь, Буденный, Булганин, Егоров. Незаметно оторвавшись от зеленого ковра-пола, плавно уползает в высь первый воздушный шар.

На нем портрет товарища Сталина. И точно бескрайний аэродом наполнился восторженными возгласами и приветственными рукоплесканиями человека, имя которого — символ могучего роста и побед страны социализма.

Еще один шар поднялся над полем. На нем портрет товарища Молотова.

Еще один, еще и еще поднимаются над летным полем шары с портретами товарищей Калинин, Ворошилов, других членов Политбюро и ЦК ВКП(б).

Ни на минуту не смолкают восторженные клики: советский народ радостно приветствует своих любимых вождей.

Восьмью тысяч человек следит за тем, как быстро и четко отрываются от земли учебные самолеты, ведомые пилотами аэроклубов, авиационной молодежи, так называемыми «любителями», обучившимися летному ма-

стерству без отрыва от производства. Этой бригадой руководит майор Смуров.

Но слово «любитель» наполнено новым содержанием. Это не недочетка, развлекающийся в часы досуга. В легкости отрыва машины от земли, в исключительной четкости строя самолетов чувствуется крепкая рука на штурвале самолета. Мастерство пилота-любителя не ниже мастерства профессионала, оно также опирается на всестороннее знание авиационной техники и летного дела.

Зрители не успели проводить взором самолеты бригады майора Смурова, как с аэродрома рванулись самолеты-тягачи, буксирующие планеры. У каждого тягача — три планера. Самолеты еще бегут по земле, а легкорылые стрелки-планеры уже парят в воздухе. Самолеты взвились в высь, профинирировали над аэродромом, набирая высоту.

Все выше и выше...

Многочисленные и нетерпеливые стрелки, оторвавшись от буксирных самолетов, ринулись вниз сложными, изумительными фигурами.

Мастер советского планеризма тов. Ильиченко превращает планер и в изогнутой дуге летит через весь аэродром; три планера, точно связанные невидимыми нитями между собой, делают групповую петлю, кружатся быстрой и изящной каруселью, точно аксты, стремящиеся схватить клювом хвост передней птицы. Это тройка планеристов Красной Армии — Борзулин, Крехов и Сухоминков.

Четко садятся планеры перед аплодирующими трибунами, а над полем уже стремительно проносятся новые двухместные машины. Они идут то брешим полетом, то вкрут, как по команде, свечой поднимаются вверх к бескрайнему голубому небесному пестру. Они делают «бочки», петляют, летают вверх колесами. Машина беспрестанно поднимается восточнее руле этих искусных пилотов. Десятки самолетов делают один и те же фигуры, точно одна рука управляет их рычагами.

Это мастерство группового пилотажа. Руководит им старейший летчик-испытатель т. Пионтовский. Машины ведут лучшие летчики — Винторов, Даниловцев, Дымов, Ястребов.

Отряд за отрядом вылетают из-за насыпей канала Москва—Волга пассажирские самолеты. Наглядно демонстрируется рост нашей гражданской авиации от старых заслуженных самолетов «И-5» до мощных, комфортабельных гигантов «АНТ-35».

Пронесится над летным полем самолет конструкции Ильюшина. Двухмоторный скоростной самолет гонит в небесную высь известную стране и любимую народом пилот Коккинаки. Он на тяжелом самолете делает петли, глубокие виражи, боевые развороты с поразительной легкостью.

Глядя на это искусство, не веришь, что человечество еще совсем недавно научилось летать. Кажется, что Коккинаки владеет многовековой культурой летного дела. А ведь Коккинаки почти ровесник авиации — они одногодки.

Откуда же такое мастерство? Где черпают гордые соколы мужество, отвагу, выдержку и настойчивость, чтобы так беспрестанно плавать в воздушных просторах?

... Горячо и восторженно аплодирует восьмисоттысячная аудитория. В этом приветственном гуле выраже-

на сила нашей страны, непрерывно рождающей героев, людей, преодолевших любые трудности во имя своей социалистической родины.

Резкая сирена вызвала, предупреждая о том, что начался воздушный бой. В 17 часов по ст. № 73 сообщил, что на северо-востоке замечены три «вражеских» разведчика.

Почти без разгона оторвались от земли четыре истребителя. Медленно повернулись в сторону приближающихся «врагов» дула тяжелых зенитных орудий, выткнули свои зоботы зенитные пулеметы, насторожились аэроуловители.

Четыре истребителя должны были, догнав и сбив вражеские самолеты! Но скоростные разведчики «противника» успели прорваться. Они уже над аэродромом. Оглушительно вздохнули пушки, застрекотали пулеметы. Истребители набросались истребители на разведчиков.

20 минут шел бой. И в эти двадцать минут советская авиация показала свою силу, свою мощь, совершеннейшее искусство в кратчайший срок разгромить, уничтожить, стереть с лица земли ненавистного врага, если он только посмеет, дерзнет напасть на свободную счастливую крылатую страну.

Час этого нападения будет последним часом вражеского существования!

Ибо непобедим вооруженный советский народ, готовый к любым боям за свою родину, за социализм.

Четко выстраиваются в небо десятки самолетов, образуя великое имя: «Ленин».

Имя — символ торжествующего пролетариата, имя — знамя победившего народа, имя — знак растущей мощи Великой социалистической страны.

... Точно блестящим бисером на голубом атласе вышито в небе любимое имя: «Сталин».

Имя — олицетворение могущества и стабильности страны, любимое имя, дорогое и близкое трудящимся всего мира. Оно, казалось, парило над земным шаром, как знамя, призыв к борьбе и великим победам.

Аэродром гудел, аплодировал, страстно и горячо выражая свою беспредельную любовь и преданность гениальному вождю, учителю и другу.

Самолеты развернулись и вновь построились четырьмя буквами: «СССР».

Так в воздухе отважные соколы громко, на весь мир сказали, во имя чего покоряют они стихию и пространство, во имя чего овладевают искусством летного дела, во имя чего готовы они ринуться в бой в любую секунду, в любое мгновение.

Отряд за отрядом поднимались вновь и вновь быстрорыльные самолеты. Старший лейтенант Супрун искусно продемонстрировал полет инструктора с учеником. Это была своего рода пантомима в воздухе, актерская инсценировка трудовых будней нашего воздушного флота, воспитывающего молодые кадры.

Звено истребителей Героя Советского Союза товарища Рычагова показало искусство исчерпывающего овладения самолетом.

Пять летчиков: Николаев, Табаровский, Романов, Супрун и Ракон совершили на истребителях все фигуры высшего пилотажа.

... Проплыли над аэродромом могучие четырехмоторные корабли, — за ними — гиганты-самолеты, подобные тем, которые летали на Северный полюс.

И вот расцвело небо голубыми, розовыми, сиреневыми куполами парашютов.

Медленно опускался десант мужественных, отважных парашютистов.

Стремительно неслась к ним восторженная овация народа, воспитанного смелых покорителей воздуха и мировых пространств.

Крылатый народ приветствовал своих крылатых сыновей, их отвагу, могущество и готовность отразить нападение любого врага.

Праздник окончился. Народ расходился с поля довольный и уверенный: — Такие люди, сыны такой страны не знают и не могут знать поражения! —

От Правительственной Комиссии по организации перелетов Москва — Северная Америка

19 августа радиосигналов с самолета «Н-209» не принято.

Ледокол «Красин» продвигается в север от Аляски. 19 августа в полдень по московскому времени он находился на западной долготы 160 градусов и широты 71 градус, идет в густом тумане среди льда, доходящего до 8 баллов.

Летчик Зидков задерживается в Уэльсе из-за тумана как в Уэльсе, так и на м. Барроу (Аляска), его ближайшей цели. Летчик Грабинский прилетел в Дудинку, летчик Головин — в Тюмень.

По поручению Советского Правительства Главнокомандующий через Амторг приобрел в Америке большой гидроплан фирмы «Консолдэйд», который примет участие в работах по розыску под управлением известного американского полярного исследователя Вилкина.

День советской авиации в Парке культуры и отдыха им. Горького

В Центральном парке культуры и отдыха им. Горького 18 августа состоялось большое массовое гуляние, посвященное всевозможному Дню авиации.

На площади Пятилетки и в прилегающих к ней аллеях была организована выставка самолетов и авиамоторов новейших конструкций. Здесь же демонстрировалась работа с парашютами.

Над парком поднялся дирижабль, и были пущены шары-возды.

С большим успехом прошли 18 августа устроенные в парке беседы о достижениях нашей авиации.

На кулбазе парка состоялся литературный вечер, на котором артисты прочли отрывки из книги «Летчики», выпускаемой издательством «Авиационной газеты».

Заключился праздник большим многотысячным митингом в Зеленом театре.

Массовые гуляния, посвященные всевозможному Дню авиации, были проведены также в парках культуры и отдыха им. Бубнова (Сокольники), им. Держинского (Пушкинское) и других.

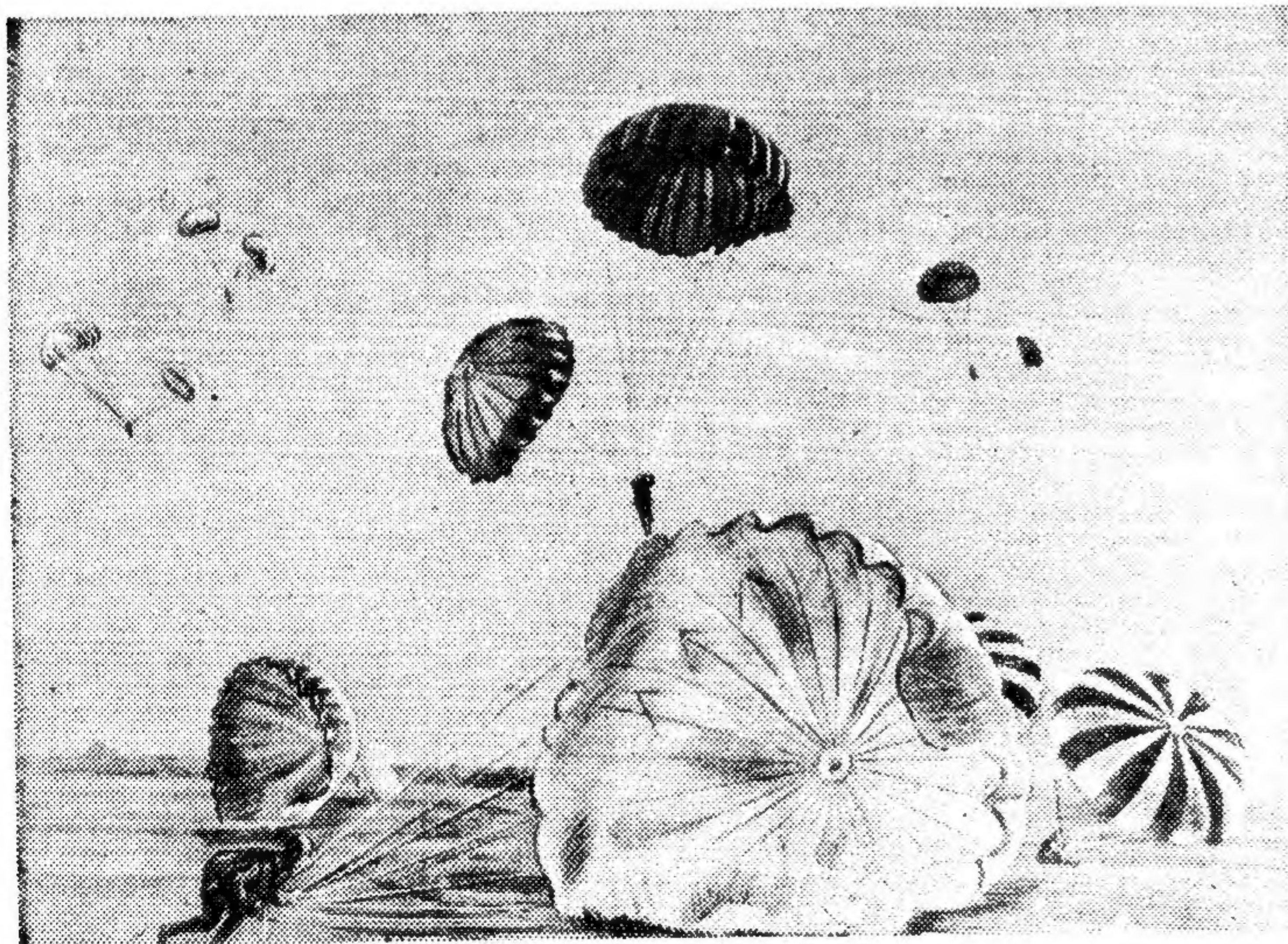
Радиофестивали народного творчества

В дни празднования XX-летия Октябрьской социалистической революции на Москву будут транспортироваться по СССР выступления солистов, коллективов и ансамблей, премирно-коллажей на местных фестивалях народного творчества.

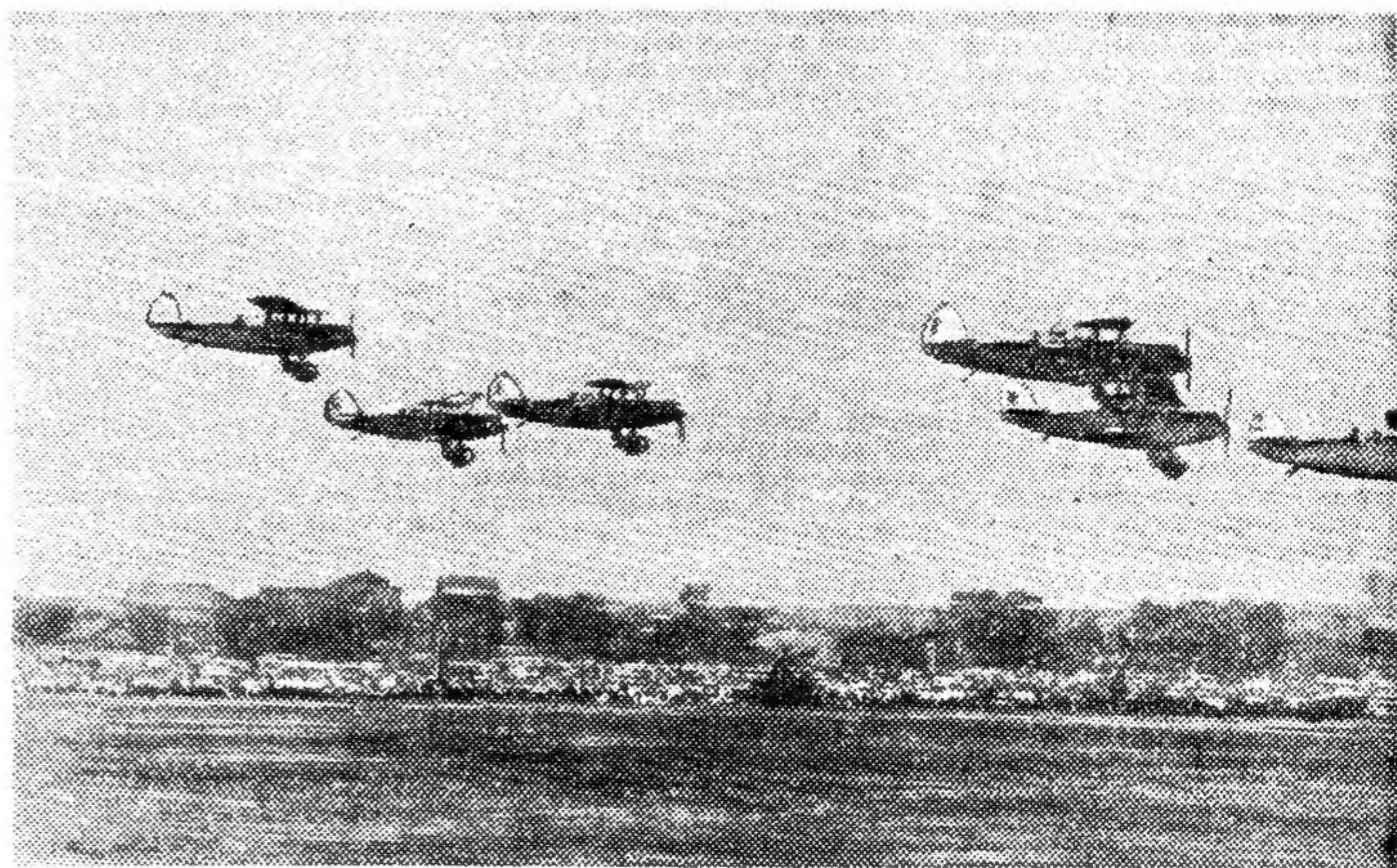
В организационный комитет, проводимых Всесоюзным радиокомитетом, сейчас включились 35 радиокомитетов страны. Радиофестиваль в Йошкар-Ола открылся 15 августа выступлением ансамбля народного хора кружка колхоза «Мустай», Сернурского района. Всего в радиофестивале, проводимом в Марийской АССР, участвует 37 лучших национальных коллективов колхозной самодеятельности с 700 исполнителями.

В ближайшие дни начинаются фестивали в Крыму, Казахстане, Саратовской области и Узбекистане. Во время фестивалей, проводимых узбекским радиокомитетом, будут исполняться новая узбекская симфония композитора Мухомедов, «Этюд» Бетковена. У микрофона выступит также народный поэт-сказатель Абдулла Шаир и хор, исполняющий новую узбекскую песню, посвященную XX-летию Октября.

С 15 сентября по 10 октября центральное жури, состоящее из видных специалистов по фольклору и музыковедов, произведет отбор лучших участников местных радиофестивалей.

На Тушинском аэродроме в День авиации. На снимке: момент приземления группы парашютистов. (Союзфото).

На Тушинском аэродроме в День авиации. На снимке: группа самолетов над аэродромом. (Союзфото).

А. АРШАРУНИ

«Мечты Алатоо»

Коллективная поэма акынов и поэтов Киргизии

Нет в Советском Союзе народа, певца, поэта и сказителя которого не сохранили бы песни и поэмы о великом Сталине.

Замечательные и волнующие песни сложены за годы революции о родные, о Ленине и Сталине. Среди этих песен и поэмы выделяется коллективная работа акынов и поэтов Киргизии, посвященная I съезду коммунистической партии (большевиков) Киргизии и великому вождю всех народов товарищу Сталину.

До появления поэмы «Мечты Алатоо» были опубликованы письма в стихах грузинского, белорусского, киргизского народов, туркменских джигитов и других народов, написанные поэтами и певцами их. В этих письмах товарищу Сталину рассказывалась история народа, его победы, одержанные за годы Великой Октябрьской революции, они рассказывали о готовности бороться за дело Ленина—Сталина, за торжество коммунизма.

Эту же идею развивает коллективная поэма киргизских акынов и поэтов.

Авторы поэмы использовали фольклорный материал, богатейшее народное творчество Киргизии, ярким образом которого является «Манас». Простота и ясность поэтических образов, подкупающая непосредственность, четкость сюжетных линий делают поэму общедоступной. Достоинством поэмы является и то, что каждый раздел (их в поэме — восемь) имеет сюжетную законченность.

Поэма «Мечты Алатоо» — история киргизского народа:

Я малым у был был,
И на сталом болыным ходил.
Чтобы каждый баран был сит,
Сам я изредка ся и пил.
Чтобы каждый баран гулял,
Чтобы волчьи зубы не знал,
Чтобы мог он спокойно спать,
Сам я редко лежал в спал.

Ведая-пастух, сын киргизского народа,
Имею жену, детей, гурту и тулуп,
Который носил «сорок» зим и столько же лет.

Замечательный был тулуп,
Но характер имел дурной:
До упала он летом гред,
Но тепла не давал зимой.

В бедности и нищете жил народ
Со дня рождения до последнего выдох.
Но он был богат мечтами:
Даже в самый большой сумрак
Трудно было бы их сложить.
Потому я всегда мечтал,
Что и бедным хотелось жить!
Как весной в горах река,
Протекала мои мечты...
Если хочешь, припомню их,
Но внимательно слушай их.

Так начинается вступление к поэме.
О чем мечтал киргизский народ?
В первых четырех песнях содержится не только мечты народа, но и отдельные, яркие красками нарисованные эпизоды его истории.

Песни и сказки киргизского народа часто говорят о полетах.
Долго на небо я смотрел,
Однако все летит вперед.
И тогда захотелось мне
Испытать, как они, полет.

Народ мечтал проникнуть внутрь высоких гор, окружающих страну и разгадать тайну их сокровищ. И только в мечтах он мог себе это позволить.

Но народ мечтал и о том, чтобы быть сытым.

Вот как представлял бедняк и батрак киргиз будущее общество:

Пели они, и пел мандай,
Над арчею шел урх,
Видиши с яблонями спелюк,
Осыпали плоды вокруг...
А вокруг было много рт.
Возле них — пастухи, как я,
Только омытые все, пасли
Кто барана, а кто коня.

Мечты о счастливой, важной, свободной жизни осуществлялись в результате борьбы за социализм под руководством партии Ленина — Сталина.

Проходят первые годы революции, наступают дни сталинских пятилеток, — не узнаю теперь страну, вчера белую, недавно закабаленную. Не узнаю также людей, вчерашних батраков-пастухов, теперь — полновесных хозяев страны.

Киргизия стала советской республикой. Необычайные перспективы открылись перед киргизским народом.

Не мечты предло мною летать,
И не выдумки, и не сны:
Визу будущее свое,
Визу будущее страны.

В последней песне поэмы, эмоциональной, захватывающей своей уверенностью и мощью, киргизский народ мечтает уже по-новому.

Я мечтаю, но знаю я,
Что на родине золотой
Будет деревом и цветком
То, что я называл мечтой.

Ведь теперь у народа есть
Счастья солнечные цветы,
Ведь теперь у народа есть
Превращенные в жизнь мечты.

Ведь теперь у народа есть
Алатоо родной простор,
Ведь теперь у народа есть
Сталин — великий герой!

Коллектив акынов и поэтов — Камал Акиев, Абда Байсалбаев, Джомарт Воконбаев, Виктор Виняков, Кубанчибек Маликов, Молдобасан Мусулманкулов, Алым Токомбаев, Аман Гыннибеков и Акимкул Усенов — создали прекрасную поэму. В ней как бы подводится итог мечтам киргизского народа, надеждою своего почетное место в семье счастливых народов Союза ССР.

Поэма заслуживает быть изданной массовым тиражом. Но нам кажется, что русский перевод всей поэмы сделан довольно слабо.

Перевод на русский язык поэмы «Мечты Алатоо» надо пересмотреть, а может быть и сделать заново.

А. МАКАРЕНКО

Рассказы о простой жизни

Владимир Козин рассказывает о жизни предельной простоты. В ее течении как будто так мало разнообразия, что автору приходится на каждом шагу возвращаться к одному и тому же предмету, к одним и тем же мизансценам, к одному и тому же ряду картин: пустыня, овцы, собаки, солнце, ишак, луна, снова овцы, снова луна и собаки. В таком простом мире живут и работают люди: директор овцеводческого совхоза Метелин, зоотехник Кулагин, старики-пастухи и пастухи молодые, студенты-практиканты Орешкина и Наташа.

В их жизни происходят события, сущность которых вовсе не так проста: трагическая смерть сына Метелина, раздвоенного трактором, «трещинка» в личном часте Наташи, полный героизма закат столетнего бродяги-пастуха Белудж-Хана, бегство из Ирана и только перед смертью нашедшего себя и своего сына принят в стране Советов.

Но и об этих событиях Козин рассказывает с такой суровой, лаконичной простотой, что и самый их трагизм как-то уместно размещается среди аксессуаров пустыни, среди несчастья дождя, жаркого солнца, овечьих стад и стервующих стада собак.

Повесть Козина заканчивается с некоторым даже удивлением: что-то случилось, что-то такое важное случилось, что-то близкое.

В сдержанной, благородной манере автора много таланта. Я в особенности хочу подчеркнуть его утверждение. И этот талант не имеет вида сырой глины.

Козин умеет заставить читателя не только пережить в будни пустыни, но и полюбить все, что там происходит.

Это умение у Козина свое, особенное, которое нельзя передать в простом пересказе, которое все заключено в стилистике и строгие рамки его писательской индивидуальности. Его текст истинно так прекрасно сделан, что у меня возникает большое желание цитировать большие отрывки, но и такой показ не достиг бы цели, потому что у Козина существует очень сильная сюжетная струя под текстом, в некоторых местах эта особенность его композиции настолько тонко выражается, что основная тема как бы прятается от глаз читателя, и требуется большой эстетический навык, чтобы ее увидеть.

Так изображает, например, образ Наташи. Ему посвящено всего шесть страниц.

Автор почти не касается душевного самочувствия Наташи. Читатель должен увидеть его в ее словах, поступках. Они изображаются на том же фоне жизни в пещерах, где все так просто и так понятно. Вот Наташа переживает руку подкачку Кадры, которого доранял плененный волк. Наташа горячо отзывается на несчастие.

В. Козин, Рассказы о простоте. «Красная новь», № 6, 1937 г.

Кадры, шутит, улыбается. Автор умеет в замечательном ритме деталей показать девушку в обстановке пастушеского быта пустыни:

«Одиннадцать ценят побежали в лес!»

«Голос возник в темноте, удивленный и зловещий. Одиннадцать ценят торопливо слышали с песком разбрызгивая кроны».

«Три толстых пенки перелезли через порог земляники и испугавшись, выкатились обратно».

«...Наташа улыбнулась! Кадры, — же целуюсь с волками! — Она пришла на песок и набрала в колодезную».

Эти ценят как будто нарочно пригласили, чтобы самым милым образом подчеркнуть и умиротворить жизнь. И Наташа среди них, в неслучайных проявлениях этой жизни, кажется счастливой, радостной и прелестной в своей радости. Автор толькой мимолетно, в отдельной, как будто случайной строчке протыкивает какую-то истину, может быть, даже и не выжину. Вот Наташа заигрывает с ишаким и вспоминает Орешкина, своего мужа:

«Как они лежали, — прошептала Наташа».

Читатель о чем-то начинает догадываться, но автор, как и в чем не было, рассказывает дальше:

«Ишак круто повернулся и повлек Наташу за собой. Это ему по нравилось. Он стал крутиться. Наташа, не выпуская платки, летела, откинувшись, вокруг упряжки. С ног ее слетела туфля. Она смеялась и кричала».

На крик прибежали одиннадцать ценят.

Прибежали эти самые ценят, и читатель снова спокоен. Все благополучно у хорошей, симпатичной, живой Наташи. Она начинает хлопотать, чтобы достать воды для подсосных овец.

Это очень сложно. Никто не хочет ей помочь, она сама пытается достать воду из глубокого колодца, роняет тяжелое кожаное ведро и смущена, и деятельно, спускается на дно колодца, задирается, ее вытаскивают в обморок. Попытки других достать это ведро так же оканчиваются неудачей. Только прискакавший на белом коне красивый и удачливый Сафдар Али достал ведро.

«Сафдар Али выпрыгнул из колодца. Наташа обняла его и поцеловала. Пастухи засмеялись».

И этот случайный поступок проходит мимо читателя почти, как шутка. Только постепенно автор показывает ничтожество Орешкина и дает основание читателю о чем-то догадываться.

Но Наташа рассказывает пастухам сказку о рыбе и рыбе, и читатель снова улыбается. Наташей и не хочется думать о каких бы то ни было ее душевных ранах.

Кстати в журнале «Красная новь» напечатано: «Наташа улыбнулась» — одна из опечаток, столь нередких в журнале «Красная новь».

Рассказ Наташи о рыбе и рыбе и отзывы слушателей сделаны Козин в таком ярком плане, что читатель и в голову не приходит, что в это самое время Наташа страдает от неудовольствия своей личной жизнью, от тоски жизни рядом с ленивым, ленивым Орешкиным. Только когда этот Орешкин говорит Наташе:

«Или, стелю постель, давай пора тебе спать. Все бродяжи, блох набираться».

читатель начинает ощущать подземную сюжетную линию и понимает, почему Наташа обращается к ишаким с такими словами:

«Счастье бывает и в трещинке».

Гораздо проще и доступнее рассказана история Белудж-Хана. Столетний пастух, только к концу жизни приблизившийся к советскому берегу, нашедший здесь смысл жизни, покой и долг перед людьми, — тема неаудированной трудности, и Козин рассказывает о старике без усилий, просто и мудро, тем же лаконичным языком большой и скромной человеческой любви.

В повести Козина есть и небольшие сны, может быть, только потому заметны, что они происходят на слишком хорошем фоне, автор сам заставляет читателя быть к нему очень требовательным. К таким снам у меня несколько фаросовую завязку истории с Кулагиним. Муж возвращается из поезда по степи, жена ожидает его с любовью, но он немедленно должен уезжать. Некогда часов, оставшихся в распоряжении супругов, выполняются... садными посетителями. Подбор этих посетителей, их разговоры и шутки автором сделаны небрежно.

Еще раз повторю, все это бросается в глаза только на фоне литературной удачи автора.

И не сомневайтесь, что в манере рассказа и мироощущении Владимира Козина заточены чрезвычайно большие возможности. Его «Рассказы» о простоте вызывают чувство настоящей литературной радости.

Но совершенно необходимо, чтобы автор перешел к темам более сложным и социально широким. В «Рассказах о простоте» больше хорошего зрелища и хорошего слуха, чем мысли и анализа. Поэтому собаки, ишак, лгята часто выступают в таком же стилизованном антураже, как и человек, и автор встречает их с такой же большой симпатией. В описании пастушеской жизни это не вызывает особой диспропорции, но хочется пожелать Козину, чтобы он не ограничивался только пастушеской жизнью.

Нельзя скрыть того, что в том виде, как эта жизнь описана у Козина, это все так примитивно хорошо, и даже Метелин и зоотехник Кулагин не избежали признаков примитивности. Надо, чтобы свой свежий талант Козин проверил на темах более сложных.

Героический экипаж самолета «АНТ-25» Михаил Громов, Сергей Данилин и Андрей Юмашев. Рис. худ. А. Яр-Кравченко. (Плакат Изюгна)

На языках народов СССР

Гигантский культурный рост широких масс Советского Союза находит свое выражение в самых разнообразных формах.

Одним из наиболее ярких показателей этого роста служит огромный спрос на художественную литературу, издаваемую на языках народов СССР.

Наравне с национальной классической литературой издается братская республика выпускает ежегодно многотысячные тиражи переводных произведений мировой классики. Множество новых переводов Пушкина, Гоголя, Чехова, Горького и других классиков появилось за последние годы.

На таджикском языке вышли «Пиковая дама», «Дубровский» и «Повесть Белкина», составляющие три иллюстрированных, хорошо оформленных тома.

На узбекском языке издан ряд произведений великого пролетарского писателя А. М. Горького. Отдельными изданиями вышли: «Мать», «Детство», «Мои университеты» и «Дело Артамоновых». Готовятся к печати «В людях» и «Борьба Бульвар».

Произведения Горького издаются

на грузинском языке. Государственное издательство Грузии выпускает 10-тысячным тиражом «Детство». В ближайшее время в этом издательстве выйдет «Мать» Горького, в переводе С. Кидашвили, и биография великого пролетарского писателя.

К двадцатилетию Великой пролетарской революции в Казахстане будет выпущен литературный альманах, в который включены басни Крылова на казахском языке. Углубленная работа по переводу произведений мировой классики на казахский язык ведется в этом направлении большую работу.

Бесмертная поэма Фирдоуси «Шахнаме» переводится на казахский язык. Над переводом поэмы работает известный казахский акын Турмаганбет Истеулов. Он перевел уже несколько тысяч стихотворных строк. Поэма будет издана в хорошем оформлении в государственном издательстве Казахстана.

На чеченском языке выходит сказка «Ясница и одна ночь», выпускаемое государственным издательством Чечено-Ингушской АССР.

Н. СЛАВСКИЙ

Воспитание воли

Редко бывает так, чтобы человек в юношеских лет твердо определил свою профессию. Обычно юношеские годы — это годы исканий, это драма грех и драма жизни, так щедро щедростью старая русская литература.

Михаил Громов — ослепительный. У него не было драмы поисков, не было драмы творчества и драмы жизни. На входе юности он определил свой жизненный путь. В 14 лет на вопрос: «Кем мечтаешь быть?» — Михаил отвечал: «Летчиком». В 19 лет он стал им.

Михаилу было 14 лет. Он выскочил из-за придорожного кустарника на Троцкий проезд. В руках держал странное сооружение.

— Роба, Мишка саранчу несет! Но на лосиногом выносе роба! Понял, что это не саранча.

Мишка закурил резинный шнур маленького пропеллера, поправил гвельд-центровку и пустил в воздух свою птицу. Она вилась в вышину, пролетала шагов пятнадцать по прямой, затем водружалась, дернулась вверх и стремительно упала в траву.

— Ястреб! — закричал подполковник-наблюдатель.

— Не астреб, а аэроплан, — назидательно объяснил рослый паренек.

Кратковременные юношеские порывы! Обычно это вспышка, яркое, но быстрое угасание пламени. Почему оно не угасло в груди Михаила Громова? Мы зададим этот вопрос Любови Игнатьевне, руководившей воспитанием сына. Она улыбнулась и развела руками:

— Такой уж он был у нас! Удача преследует Громова, но

исполнению двадцать лет славы работы Героя Советского Союза Михаила Михайловича Громова в авиации. Двадцать лет упорного труда по овладению сложнейшим искусством самолетостроения.

Овладевший мировой славой, возвращаясь в Москву доблестный и отважный сталинский пионер, готовый к новым подвигам и завоеваниям по славу своей социалистической родины.

На приветствии из Москвы М. М. Громов ответил из Парижа краткой телеграммой:

«Стремлюсь, чтобы в ближайшие годы, никак не больше, все авиационные рекорды принадлежали СССР. Для этого есть все возможности».

никогда она не вызывает в нем и тени успокоенного благополучия.

Пропуская Громова — это годы борьбы Михаила Михайловича за воспитание воли, за полное овладение самим собой.

Прожитое — это годы неустанной работы Михаила Михайловича в коллективе и на коллектив, нормальная трудовая жизнь, в которой воспитывается мужественный, волевой, доблестный человек.

Книжная полка Миши Громова, ученика реального училища, была такой же обычной, как и у его товарищей. Тут был и Майн-Рид, и Конан Дойл. В учебнике по математике лежала припрятанная книжечка о похождениях Нат-Шинкер-топа.

В столовой на вечернем чае Миша внимательно слушал испыхивающие споры между старшей сестрой Софией Михайловной и матерью — Любовью Игнатьевной. Спорили о Герцене, спорили о Чернышевском. Беседовали о «Герое нашего времени» Лермонтова.

Он внимательно слушал рассказы об этих сильных, волевых людях. Он искал книги, посвященные им. Читал, думал.

Однажды Михаил поразил сестру. Он не согласился признать «Героя нашего времени» — героем.

— Я не спорю, твой герой — человек сильной воли, — кричал Миша. — Он отважен, не блещет ни перед какой опасностью. Это хорошо. Но зачем он идет бур и тревога? Так, без всякой цели раскошет себя? Твой герой владеет собой, но он пустой и ему нечем заполнить пустоты!

Тут Миша ударил ладонью по столу и локтем опрокинул чашку с чаем.

Любовь Игнатьевна укоризненно посмотрела на сына:

— Люди сильной воли, — сказала она, — всегда владеют собой и не машут руками даже тогда, когда что-то доказывают!

Книга сыграла в воспитании Михаила Михайловича определенную, но не решающую роль.

— Нет! Миша не был книжником! — вспоминает Любовь Игнатьевна. — Вот дочь моя, та увлекалась литературой. Было, есть все, но ночь горит у ее кровати. Читает. Миша же больше увлекался рисованием...

Мать сохранила несколько его рисунков. Они весьма своеобразны, Ка-

рандашом, пером. Миша почти всегда рисовал крепких мускулистых людей с лицами, полными суровой отваги и непреодолимой решимости.

На рисунках лежит печать детского подражания Леонардо да Винчи. Этот гением Миша увлекался. Да и сейчас он вспоминает его имя с какой-то особой теплотой.

Мальчика поражаля гениальность изобретений Леонардо, его пронырливости почти во все отрасли наук.

Для Громова Леонардо был великим творческим духом и теоретическим человеком, был именно тем совершенным человеком, о котором мечтал мальчик.

В пятом классе реального училища Громова не то чтобы охладил к Леонардо, но более трезво стал воспринимать его.

Миша сидел на парте рядом с Борисом Габричевским — одноклассником, товарищем. Они спорили. Габричевский утверждал, что математика благороднее механики. В доказательство он приводил слова Платона 30-м, что величайший механик древности Архимед признавал только математику, отныне пренебрегая к механике, потому что «низко было, что имеет непосредственное практическое значение».

Мишу возмущало такое барское пренебрежение к практике. Он горячо доказывал всю ложность архимедовских взглядов и как неопровержимый документ привел высказывания Леонардо:

«Механика — рай математики, потому что в ней познаются плоды того, чему учит математика».

Габричевский бежал в библиотеку и принес сборник «Флорентийских чтений». Это было простое перечисление работ Леонардо. Но все они говорили об одном: картин Леонардо оставалась мало, как скульптор он дал только гипсовую модель лампачи Франческо Сюрра. Ни одно адавание в Италии не может быть приписано

Леонардо. Из его изобретений ни одно не прошло в производственно-промышленную технику.

— И все же он велик, твой Леонардо, — заключил Габричевский, — великими мыслями, записками, — не практическими делами.

Это был гром в ясную погоду юношеского увлечения.

Михаил понял, что Леонардо — мыслитель, а не человек действия. Сам же он, воспитанный в трудовой обстановке, никак не понимал отрыв теории от конкретной практики и действия.

Он мечтал быть летчиком. Все, что он делал, он подчинял этой идее. Летчик должен быть грамотным, — Михаил прилежно занимался в школе. Пилот должен быть сильным, ловким, мужественным, — Михаил систематически выполнял спортом.

В конце 1916 года Михаил Громов поступил на авиационные курсы Жуковского.

Первые полеты на труппом «Фарман 30» только еще больше разожгли страсть и пылкость Громова.

— Это только начало. Возможности в воздухе неограниченны. Чем выше, тем обширнее перспективы!

«Фарман 30» был смелен на более усовершенствованный «Вуазен». Затем Громов стал летать на боевом истребителе «Моран Парасоль».

что это люди больших идей и огромной практики. Он безраздельно овладел им свою жизнь.

Дальнейший путь роста Михаила Михайловича Громова всем известен. Юношеские стремления превратились в жизненную цель.

— Я никогда не слоужу крылатым! — сказал как-то Михаил Громов.

И действительно, он их не сложил. Пока восторженно, он не устанет будет стремиться к совершенству, и достижения новых побед. Он не знает предела. Один рубеж пройден, один вершина взята — он стремится к новым рубежам, новым высотам.

Не зная остановки! Никогда не считая, что достигнуто уже все, что определено в жизни! — вот девиз Громова.

В 1925 г. Громов летит Москва—Пекин. Перелет завершен. 7000 км. пролетено в 33 дня.

Громов не удовлетворен. Он продолжает и получает разрешение советского правительства продолжить полет. Он летит до Токио, через штормовое море, сквозь тропический лес. Его приглашают в Осаки, и он летит в Осаки. Он — единственный участник перелета, прочерчивая путь от Москвы через Пекин в Токио.

Крылья его машины сверкают под солнцем на снежных вершинах Фудзиямы и режут скалы в Японском море.

Но Громов явно недоволен собой. Он получил сообщение, что французский летчик Арроар совершил перелет протяжением тоже в семь тысяч километров, но только... в три дня! Громов сделал выводы.

В 1926 г. он летит Москва—Вердун — Париж — Рим — Вена — Прага — Варшава — Москва.

В 1929 г. летит по Европе на самолете «Крылья Советов».

В 1934 г. Громов ставит мировой рекорд дальности полета по замкнутой кривой.

В. АНОВ

«Поколен-Борода и ясные соколы»

На севере Советского Союза, на побережье Белого моря, в деревне Нижняя Золотница живет таинственная иполителница русских эпических песен Марфа Семеновна Крюкова.

Имя Крюковой широко известно на севере и далеко за его пределами. Фольклористы называют Крюкову классиком северного былинного фольклора и ставят ее в один ряд с Т. Г. Рабиничным, Г. А. Якушовым, М. Д. Кривоноговым.

Наделенная удивительной памятью и ярким поэтическим дарованием, Марфа Семеновна не только знает более сотни старых, слышанных еще от матери, деда и бабки (они так же были незаурядными сказителями) былин, но и создает новые сказания. Темы и сюжеты их она черпает из народной богатой, замечательной деятельности.

Одна из последних эпических песен Крюковой посвящена заводившейся три года назад весь мир человеческой эпопеи.

Поэма называется «Поколен-Борода и ясные соколы». В начале ее рассказывается, как готовились челдыкины в дальнее плавание, рассказывается о цели экспедиции:

«Снаряжал-то Сталин черныи большой каравель, Большой каравель, славный

Садил-то на него ученых людей, людей мудрых,

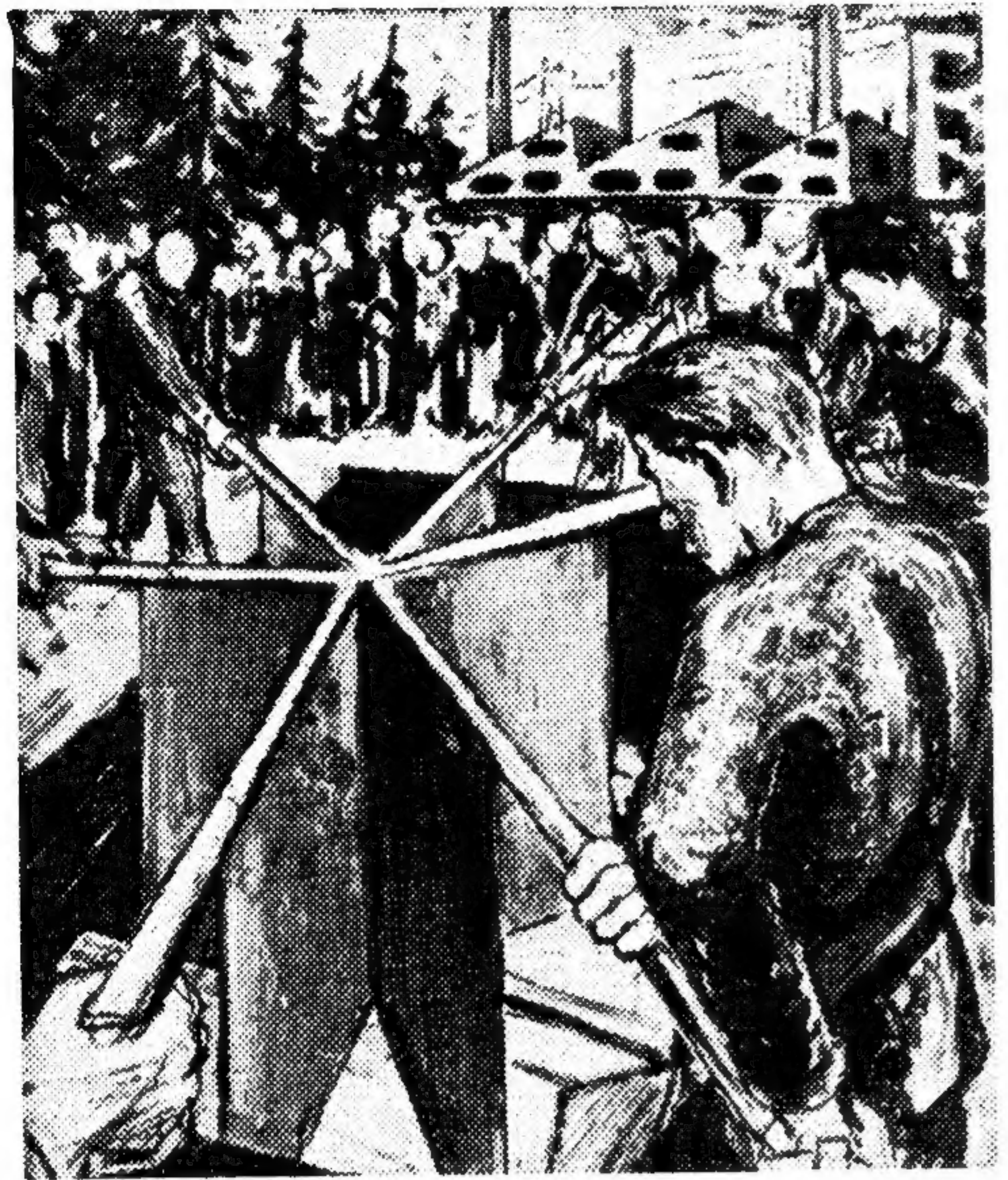
Говорил им таким речью: «Уж вы, добрые молодцы, ученые да премудрые,

Вы пройдите все море ледовитое, Дойдите до самого моря ледовитого, Проверьте все моря как следует! Вы откройте путь-дорожку

прямую, прямую, Пройдите там, как пройти туда, Чтоб переезд-переход был-то

В ту сторонушку дальневосточную К самому-то богатырю по

«Пролетарские похороны жертв столкновения с полицией». Выставка работ ливидского революционного художника Альбина Аминина в Государственном музее нового западного искусства (Москва).

Героические будни

По страницам фронтовых газет героической Испании

Партиздатом выпущена новая книга В. Фина «По страницам фронтовых газет героической Испании». Самые красочные описания не в состоянии дать такого непосредственного, живого ощущения атмосферы борьбы испанского народа против фашизма, как собрание в этой книге отдельные страницы фронтовых газет республиканской армии. Это — сущность коллективной воли, чувства и мысли антифашистской армии.

Каждый номер фронтовой газеты — это тяжелый шаг по врагу, и в недрах республиканских частей в буквальном смысле слова стреляют по окопам противника газетами и листовками. Читатель может видеть в книге т. Фина черт, применяемых республиканскими бойцами прибора для выбрасывания ракет с листовками в окопы противника.

У фронтовых газет республиканской Испании есть общая породившая их мать — «Миллиона популяр» («Народная милиция») — газета героического Путо-полка, первый номер которой вышел спустя восемь дней после начала фашистского нашествия — 26 июля 1936 г.

Газета Путо-полка сыграла такую же роль в отношении десятков выходивших сейчас под непосредственным огнем фашистов фронтовых и окопных газет, какую сам этот героический полк сыграл в отношении создания республиканской революционной армии.

Семьдесят тысяч бойцов Путо-полка послужили кадрами для создания регулярной антифашистской армии, полковая газета — образцом для нарождавшихся затем на всей линии фронта печатных и окопных газет.

Боевой дух, революционные лозунги «Миллиона популяр», — уверенность в том, что «они не пройдут», и вскоряющая готовность бороться до победного конца — все это со столь краткой силой звучит в многоголосном хоре фронтовых газет республиканской Испании. И в недрах генерального секретариата испанской коммунистической партии Хосе Диаса в своей речи на митинге в Мадриде 27 января 1937 г. по случаю реформирования Путо-полка, выступившего кадровым составом в революционной армии, сказал:

«Все, что создал Путо-полк, мы отдаем на службу регулярной армии, которая должна принести испанский народ к победе».

Эти слова в полной мере относятся и к созданию Путо-полком образцов революционной фронтовой газеты. Нельзя, например, не привести такого яркого примера конкретной агитации «Миллиона популяр». Обращаясь к обманутым солдатам армии Франко, газета пишет:

«Солдаты мятежной армии! Если фашисты победят, то все поручки станут капитанами, капитаны — полковниками, а полковники — генералами. Генералов до мятежа было 300, а в случае победы мятежников их будет 3000, и все они будут получать большие ставки и награды, которые ты, солдат, сына народа, рабочий и крестьянин, сейчас оплачиваешь своей кровью, а потом будешь оплачивать своим рабством».

В «Миллиона популяр» сотрудничали не только бойцы, но и находящиеся на фронте писатели и художники. Литературный критик **Мигуэль Перес Ферреро** описывает в газете свою встречу на фронте с отрядом Сталинского батальона, в котором сражались много девушек.

«Что привело тебя на фронт? — обратился Ферреро с вопросом к одной из девушек-бойцов.

— Сознание, что и нужна стране и народу.

— Ты принимаешь участие в боях? — А то как же! Я дерусь с энтузиазмом и буду драться до окончательной победы, потому что хочу, чтобы всем испанским женщинам и детям было обеспечено счастье, работа и счастье».

— Ты веришь в победу? — Ты никогда в ней не сомневалась. Дело, за которое борется весь народ, — благородное и справедливое дело. Оно должно победить».

В специальной главе «Бойцы республиканской Испании» приведены героические эпизоды борьбы, описанные в фронтовых газетах бойцами — непосредственными участниками этих эпизодов.

Наконец заключительная глава книги посвящена интернациональным частям республиканской армии и созданным ими фронтовым газетам.

«Не пелась ли армия» («Вооруженный народ») — газета Интернациональной бригады начала выходить в ноябре 1936 г. — в день, когда фашистские газеты всех стран торжественно являлись о падении Мадрида войсками генерала Франко.

«Наша колония», — писали бойцы Интернациональной бригады в первом номере своей газеты, — находится у самого сердца мира, которым яв-

ляется ты, храбрый и свободный Мадрид. Мы пришли сюда из различных стран, пришли нередко против воли своих правительств, но всегда с одобрения рабочих и в качестве их представителей. Мы приветствуем из окопов испанский народ. Наши батальоны носят имена Тельмана, Марти, Гарibaldi!»

В газете «Вооруженный народ» пишут лучшие бойцы, комиссары и командиры Интернациональной бригады.

Характерно для бойцов этой бригады, что ее боевому органу приходится не вызывать к храбрости, а, напротив, предостерегать против излишнего риска и презрения к опасности.

Луиджи Рени в статье «Советы участника империалистической войны» пишет:

«Лечь на землю во время боя — это не трусость. Хороший солдат должен распоряжаться своей жизнью. Только живой человек может продолжать борьбу».

Луиджи Рени советует бойцам бегать так:

«Не стелаясь, когда ты взволнован. Уверенный выстрел стоит десяти выданных наугад. Жди, пока неприятель приблизится к тебе на расстоянии 300 метров. Спокойно прицелься и стреляй».

Вот запись из «Вооруженного народа» о последнем дне жизни павшего смертью храбрых под Мадридом члена Центрального комитета коммунистической партии Германии Ганса Байлера:

«Начиная ожесточенного боя, который стоил жизни нашему Гансу», — рассказывает один из товарищей. Байлер прибежал в штаб, где помещается редакция газеты «Вооруженный народ», и велел задержать ее выпуск.

«Сегодня», — заявил он, — имеется нечто более важное, чем все остальное для нашей газеты: Сталин выступил. Немедленно переведите его речь из «Мундо обсерво» и сегодня же ночью завершите газету».

На другой день рано утром, в последний день жизни т. Байлера, его видели на передовых линиях фронта, докладом товарища Сталина на чрезвычайном VIII всеобщем съезде советов».

Страницы фронтовых газет внушают ясную и непоколебимую уверенность в победе республиканской Испании над международным фашизмом, ясно ощущаешь напряженность воли к победе ее народных масс.

С. ЛЕОНИДОВ.

Китайская литература единого фронта

Отец современной революционной литературы Китая Лу Синь, первым откликнувшись на призыв компартии о создании национального фронта против японских захватчиков, перед смертью писал:

«Политика антиапогонского единого фронта, выдвинутой нашей революционной партией, я защищаю, я безусловно вступаю в этот фронт, ибо я не только писатель, но и китайец. И стою за то, чтобы литераторы всех групп и течений объединились под лозунгом «против японской агрессии», и я считаю, что любую антиапогонскую политику на нашем фронте мы должны приветствовать».

В 1936 году в Китае возник ряд организаций, объединивших литераторов разных творческих направлений. Ассоциация литераторов Китая выпустила свою декларацию:

«Китайская нация достигла предела — жизнь или смерть... Создание единого фронта стало крайней необходимостью для спасения страны, и это заставляет нас заявить единый общенациональный фронт».

Далее в декларации говорится: «Под общим знаменем спасения страны писатели, которые группировались по разным творческим убеждениям, могут быть соратниками единого фронта. Разница творческих убеждений не препятствует нашему объединению ради интересов нации».

Другая организация, «Федерация писателей Шанхая» в своем воззвании пишет:

«Китай находится в очень критическом положении. Перед нацией стоит вопрос о существовании. Народ начинает создавать единый фронт для спасения страны. Каждый писатель, каждый автор должен участвовать в национально-освободительном движении... Каждому из нас надо отбросить все прошлые разногласия и протянуть руку, держащую перо, к винтовке и создать активные силы».

Эти организации положили начало единому фронту китайских писателей в борьбе против японских захватчиков.

В этом же году китайские литераторы выдвинули ряд творческих лозунгов. Был выдвинут лозунг «за литературу национальной обороны». Сторонники этого лозунга понимали, что оборонная литература — самая необходимая на сегодняшний день. Призывая писателей заняться оборонной литературой, китайские прогрессивные литераторы начали изучать проблемы обороны, историю японской агрессии в Китае и историю антиапогонского движения китайского народа, а также антиапогонское движение, развивавшееся во всей стране.

Другая группа писателей, во главе с покойным великим Лу Синь, выдвинула лозунг «за национально-революционную массовую литературу».

В ответ на письмо одного из литераторов Лу Синь писал:

«Мы признаем, что, с одной стороны, «искусство выше всего», с другой стороны, «абсолютно свободная литература», «искусство», «люди третьего сорта» и «люди четвертого сорта» и до тех литераторов, которые пишут только на любовные темы или так называемые группы «субботников», — мы признаем всех объединить в едином национальном фронте».

Между сторонниками этих двух лозунгов — «за оборонную литературу» и «за национально-революционную и массовую литературу» долго шли споры. Каждая из групп проявила во время дискуссии немало сектантского упорства. Но постепенно китайские писатели осознали, что по существу никакой разницы между этими двумя лозунгами нет.

Лозунг «за оборонную литературу» указывает необходимые мероприятия для организации сопротивления японской агрессии, а лозунг «за национально-революционную и массовую литературу» указывает характер обороны, т. е. национально-революционную войну.

Так называемую группу либеральных писателей.

Лу Синь, участвовавший в этой дискуссии, писал:

«Объединение литераторов для сопротивления Японии безусловно необходимо. Каждый литератор, если он не предатель, если он желает участвовать в борьбе против японского империализма, он — наш».

В таком духе высказывался также один из крупнейших современных писателей Китая Мао Дунь:

«Самое важное, чтобы писатели всего Китая объединились в борьбе против японского империализма и за спасение страны. Мы не должны приписывать тем или иным лозунгам обязательным условием для вступления в единый фронт».

В результате упорной борьбы революционные писатели Китая в течение последних полутора-двух лет написали множество новелл, рассказов, стихов, песен и пр. Во всех литературных журналах Китая (а их несколько десятков) в каждом номере печатаются произведения антиапогонского характера. Они рассказывают о партизанской войне в Манчжурии, о партизанской войне в Китае, о партизанской войне в Северном Китае, антиапогонское движение, предательство китайских чиновников, коварство и подлость японских шпионов — китайских троцкистов и т. д.

Из всех этих произведений особо выделяется роман Тянь Цзинь «Деревня в августе» и роман писательницы Сюэ Хун «Поле жизни и смерти».

В романе «Деревня в августе» автор описывает партизанскую войну в Манчжурии. Он показывает командира партизанского отряда, стойкого революционера-большевика. Его отряд не дает покоя японско-манчжурской армии. В романе описан также политический комиссар отряда, женщина-крестьянка. Автор этой книги — участник гражданской войны в Манчжурии. Книга вышла с предисловием Лу Синь, который пишет:

«Эта книга отражает положение всей страны, отражает теперешнее положение и будущее — смерть и жизнь». (Книга переведена на русский язык).

«Поле жизни и смерти» также описывает партизанскую войну в окрестностях Харбина. Китайские белая, честные, наивные и покорные, под невыносимым гнетом японцев поднялись против врагов. Восстала крепкая старуха Ван, восстал добрый старик Чжоу, восстали бедняки-крестьяне. Чжоу со слезами кричит: «Когда я буду в могиле, я хочу, чтобы на моей могиле был китайский флаг. Я не хочу быть рабом».

В романе «Деревня в августе» автор описывает партизанскую войну в Манчжурии. Он показывает командира партизанского отряда, стойкого революционера-большевика. Его отряд не дает покоя японско-манчжурской армии. В романе описан также политический комиссар отряда, женщина-крестьянка. Автор этой книги — участник гражданской войны в Манчжурии. Книга вышла с предисловием Лу Синь, который пишет:

«Эта книга отражает положение всей страны, отражает теперешнее положение и будущее — смерть и жизнь». (Книга переведена на русский язык).

«Поле жизни и смерти» также описывает партизанскую войну в окрестностях Харбина. Китайские белая, честные, наивные и покорные, под невыносимым гнетом японцев поднялись против врагов. Восстала крепкая старуха Ван, восстал добрый старик Чжоу, восстали бедняки-крестьяне. Чжоу со слезами кричит: «Когда я буду в могиле, я хочу, чтобы на моей могиле был китайский флаг. Я не хочу быть рабом».

В романе «Деревня в августе» автор описывает партизанскую войну в Манчжурии. Он показывает командира партизанского отряда, стойкого революционера-большевика. Его отряд не дает покоя японско-манчжурской армии. В романе описан также политический комиссар отряда, женщина-крестьянка. Автор этой книги — участник гражданской войны в Манчжурии. Книга вышла с предисловием Лу Синь, который пишет:

«Эта книга отражает положение всей страны, отражает теперешнее положение и будущее — смерть и жизнь». (Книга переведена на русский язык).

«Поле жизни и смерти» также описывает партизанскую войну в окрестностях Харбина. Китайские белая, честные, наивные и покорные, под невыносимым гнетом японцев поднялись против врагов. Восстала крепкая старуха Ван, восстал добрый старик Чжоу, восстали бедняки-крестьяне. Чжоу со слезами кричит: «Когда я буду в могиле, я хочу, чтобы на моей могиле был китайский флаг. Я не хочу быть рабом».

В романе «Деревня в августе» автор описывает партизанскую войну в Манчжурии. Он показывает командира партизанского отряда, стойкого революционера-большевика. Его отряд не дает покоя японско-манчжурской армии. В романе описан также политический комиссар отряда, женщина-крестьянка. Автор этой книги — участник гражданской войны в Манчжурии. Книга вышла с предисловием Лу Синь, который пишет:

«Эта книга отражает положение всей страны, отражает теперешнее положение и будущее — смерть и жизнь». (Книга переведена на русский язык).

«Поле жизни и смерти» также описывает партизанскую войну в окрестностях Харбина. Китайские белая, честные, наивные и покорные, под невыносимым гнетом японцев поднялись против врагов. Восстала крепкая старуха Ван, восстал добрый старик Чжоу, восстали бедняки-крестьяне. Чжоу со слезами кричит: «Когда я буду в могиле, я хочу, чтобы на моей могиле был китайский флаг. Я не хочу быть рабом».

В романе «Деревня в августе» автор описывает партизанскую войну в Манчжурии. Он показывает командира партизанского отряда, стойкого революционера-большевика. Его отряд не дает покоя японско-манчжурской армии. В романе описан также политический комиссар отряда, женщина-крестьянка. Автор этой книги — участник гражданской войны в Манчжурии. Книга вышла с предисловием Лу Синь, который пишет:

«Эта книга отражает положение всей страны, отражает теперешнее положение и будущее — смерть и жизнь». (Книга переведена на русский язык).

«Поле жизни и смерти» также описывает партизанскую войну в окрестностях Харбина. Китайские белая, честные, наивные и покорные, под невыносимым гнетом японцев поднялись против врагов. Восстала крепкая старуха Ван, восстал добрый старик Чжоу, восстали бедняки-крестьяне. Чжоу со слезами кричит: «Когда я буду в могиле, я хочу, чтобы на моей могиле был китайский флаг. Я не хочу быть рабом».

В романе «Деревня в августе» автор описывает партизанскую войну в Манчжурии. Он показывает командира партизанского отряда, стойкого революционера-большевика. Его отряд не дает покоя японско-манчжурской армии. В романе описан также политический комиссар отряда, женщина-крестьянка. Автор этой книги — участник гражданской войны в Манчжурии. Книга вышла с предисловием Лу Синь, который пишет:

«Эта книга отражает положение всей страны, отражает теперешнее положение и будущее — смерть и жизнь». (Книга переведена на русский язык).

«Поле жизни и смерти» также описывает партизанскую войну в окрестностях Харбина. Китайские белая, честные, наивные и покорные, под невыносимым гнетом японцев поднялись против врагов. Восстала крепкая старуха Ван, восстал добрый старик Чжоу, восстали бедняки-крестьяне. Чжоу со слезами кричит: «Когда я буду в могиле, я хочу, чтобы на моей могиле был китайский флаг. Я не хочу быть рабом».

В романе «Деревня в августе» автор описывает партизанскую войну в Манчжурии. Он показывает командира партизанского отряда, стойкого революционера-большевика. Его отряд не дает покоя японско-манчжурской армии. В романе описан также политический комиссар отряда, женщина-крестьянка. Автор этой книги — участник гражданской войны в Манчжурии. Книга вышла с предисловием Лу Синь, который пишет:

«Эта книга отражает положение всей страны, отражает теперешнее положение и будущее — смерть и жизнь». (Книга переведена на русский язык).

«Поле жизни и смерти» также описывает партизанскую войну в окрестностях Харбина. Китайские белая, честные, наивные и покорные, под невыносимым гнетом японцев поднялись против врагов. Восстала крепкая старуха Ван, восстал добрый старик Чжоу, восстали бедняки-крестьяне. Чжоу со слезами кричит: «Когда я буду в могиле, я хочу, чтобы на моей могиле был китайский флаг. Я не хочу быть рабом».

В романе «Деревня в августе» автор описывает партизанскую войну в Манчжурии. Он показывает командира партизанского отряда, стойкого революционера-большевика. Его отряд не дает покоя японско-манчжурской армии. В романе описан также политический комиссар отряда, женщина-крестьянка. Автор этой книги — участник гражданской войны в Манчжурии. Книга вышла с предисловием Лу Синь, который пишет:

«Эта книга отражает положение всей страны, отражает теперешнее положение и будущее — смерть и жизнь». (Книга переведена на русский язык).

«Поле жизни и смерти» также описывает партизанскую войну в окрестностях Харбина. Китайские белая, честные, наивные и покорные, под невыносимым гнетом японцев поднялись против врагов. Восстала крепкая старуха Ван, восстал добрый старик Чжоу, восстали бедняки-крестьяне. Чжоу со слезами кричит: «Когда я буду в могиле, я хочу, чтобы на моей могиле был китайский флаг. Я не хочу быть рабом».

В романе «Деревня в августе» автор описывает партизанскую войну в Манчжурии. Он показывает командира партизанского отряда, стойкого революционера-большевика. Его отряд не дает покоя японско-манчжурской армии. В романе описан также политический комиссар отряда, женщина-крестьянка. Автор этой книги — участник гражданской войны в Манчжурии. Книга вышла с предисловием Лу Синь, который пишет:

«Эта книга отражает положение всей страны, отражает теперешнее положение и будущее — смерть и жизнь». (Книга переведена на русский язык).

«Поле жизни и смерти» также описывает партизанскую войну в окрестностях Харбина. Китайские белая, честные, наивные и покорные, под невыносимым гнетом японцев поднялись против врагов. Восстала крепкая старуха Ван, восстал добрый старик Чжоу, восстали бедняки-крестьяне. Чжоу со слезами кричит: «Когда я буду в могиле, я хочу, чтобы на моей могиле был китайский флаг. Я не хочу быть рабом».

В романе «Деревня в августе» автор описывает партизанскую войну в Манчжурии. Он показывает командира партизанского отряда, стойкого революционера-большевика. Его отряд не дает покоя японско-манчжурской армии. В романе описан также политический комиссар отряда, женщина-крестьянка. Автор этой книги — участник гражданской войны в Манчжурии. Книга вышла с предисловием Лу Синь, который пишет:

«Эта книга отражает положение всей страны, отражает теперешнее положение и будущее — смерть и жизнь». (Книга переведена на русский язык).

«Поле жизни и смерти» также описывает партизанскую войну в окрестностях Харбина. Китайские белая, честные, наивные и покорные, под невыносимым гнетом японцев поднялись против врагов. Восстала крепкая старуха Ван, восстал добрый старик Чжоу, восстали бедняки-крестьяне. Чжоу со слезами кричит: «Когда я буду в могиле, я хочу, чтобы на моей могиле был китайский флаг. Я не хочу быть рабом».

Нельзя не упомянуть и о других книгах.

Всем известно, что по инициативе Максима Горького была составлена книга «День мира». Мысль М. Горького натолкнула китайских писателей на создание подобной же книги. Китайские литераторы в прошлом году выпустили книгу «День Китая».

Таким днем был выбран день 21 мая 1936 г. В этой книге напечатано больше 500 произведений. Там имеются рассказы, и очерки, и дневники, и переписка, и короткие одноактные пьесы. В основном эти произведения были написаны не литераторами, но материалами собраны разнообразные и свежие. На 800 страниц мы видим: разорение китайской деревни, эксплуатацию деревенской бедноты помещиками и кулаками, разращенность богатых горожан, борьбу китайских рабочих масс, отважные национальные герои, бесстрашие и раскованное существование женщины, непримиримые угнетенных...

Хочется остановиться еще на одной книге, которая вышла в прошлом году под редакцией Лу Синь. Книга эта называется «Заморский рассказ». Ее составил член ЦК компартии Китая, член президиума ИККИ, наркомпрос китайского советского правительства товарищ Цюй Цюбо, погибший полтора года назад.

Тов. Цюй Цюбо перевел статьи и высказывания основоположников марксизма по вопросам литературы и искусства и большую часть публицистических статей Максима Горького.

Лу Синь после гибели тов. Цюй Цюбо бережно собрал его рукописи и издал в трех томах. До смерти Лу Синь вышел только первый том. Это большой и ценный вклад в китайскую современную литературу. В этом году вышел второй том, предполагается в ближайшее время издание закончить.

Японские империалисты встрогаются все глубже и глубже в Китай. Война в Северном Китае и в Шанхае в полном разгаре. Весь китайский народ поднялся на борьбу за свое существование. Прав, тысячу раз прав тов. Ленин, когда он пишет, что «полюжение складывается теперь как, что сохраняет международный мир это значит добиться прежде всего поражения фашистских захватчиков в Испании и Китае» (см. «Правду», от 1 августа с. г.).

Революционные и прогрессивные писатели Китая создают свою роль во всемирном подеме и глубоко чувствуют необходимость принять участие в великой борьбе против японских захватчиков. Революционная антиимпериалистическая, антиапогонская литература Китая выполняет свои задачи.

Всем известно, что по инициативе Максима Горького была составлена книга «День мира». Мысль М. Горького натолкнула китайских писателей на создание подобной же книги. Китайские литераторы в прошлом году выпустили книгу «День Китая».

Таким днем был выбран день 21 мая 1936 г. В этой книге напечатано больше 500 произведений. Там имеются рассказы, и очерки, и дневники, и переписка, и короткие одноактные пьесы. В основном эти произведения были написаны не литераторами, но материалами собраны разнообразные и свежие. На 800 страниц мы видим: разорение китайской деревни, эксплуатацию деревенской бедноты помещиками и кулаками, разращенность богатых горожан, борьбу китайских рабочих масс, отважные национальные герои, бесстрашие и раскованное существование женщины, непримиримые угнетенных...

Хочется остановиться еще на одной книге, которая вышла в прошлом году под редакцией Лу Синь. Книга эта называется «Заморский рассказ». Ее составил член ЦК компартии Китая, член президиума ИККИ, наркомпрос китайского советского правительства товарищ Цюй Цюбо, погибший полтора года назад.

Тов. Цюй Цюбо перевел статьи и высказывания основоположников марксизма по вопросам литературы и искусства и большую часть публицистических статей Максима Горького.

Лу Синь после гибели тов. Цюй Цюбо бережно собрал его рукописи и издал в трех томах. До смерти Лу Синь вышел только первый том. Это большой и ценный вклад в китайскую современную литературу. В этом году вышел второй том, предполагается в ближайшее время издание закончить.

Японские империалисты встрогаются все глубже и глубже в Китай. Война в Северном Китае и в Шанхае в полном разгаре. Весь китайский народ поднялся на борьбу за свое существование. Прав, тысячу раз прав тов. Ленин, когда он пишет, что «полюжение складывается теперь как, что сохраняет международный мир это значит добиться прежде всего поражения фашистских захватчиков в Испании и Китае» (см. «Правду», от 1 августа с. г.).

Революционные и прогрессивные писатели Китая создают свою роль во всемирном подеме и глубоко чувствуют необходимость принять участие в великой борьбе против японских захватчиков. Революционная антиимпериалистическая, антиапогонская литература Китая выполняет свои задачи.

Всем известно, что по инициативе Максима Горького была составлена книга «День мира». Мысль М. Горького натолкнула китайских писателей на создание подобной же книги. Китайские литераторы в прошлом году выпустили книгу «День Китая».

Таким днем был выбран день 21 мая 1936 г. В этой книге напечатано больше 500 произведений. Там имеются рассказы, и очерки, и дневники, и переписка, и короткие одноактные пьесы. В основном эти произведения были написаны не литераторами, но материалами собраны разнообразные и свежие. На 800 страниц мы видим: разорение китайской деревни, эксплуатацию деревенской бедноты помещиками и кулаками, разращенность богатых горожан, борьбу китайских рабочих масс, отважные национальные герои, бесстрашие и раскованное существование женщины, непримиримые угнетенных...

Хочется остановиться еще на одной книге, которая вышла в прошлом году под редакцией Лу Синь. Книга эта называется «Заморский рассказ». Ее составил член ЦК компартии Китая, член президиума ИККИ, наркомпрос китайского советского правительства товарищ Цюй Цюбо, погибший полтора года назад.

Тов. Цюй Цюбо перевел статьи и высказывания основоположников марксизма по вопросам литературы и искусства и большую часть публицистических статей Максима Горького.

Лу Синь после гибели тов. Цюй Цюбо бережно собрал его рукописи и издал в трех томах. До смерти Лу Синь вышел только первый том. Это большой и ценный вклад в китайскую современную литературу. В этом году вышел второй том, предполагается в ближайшее время издание закончить.

Японские империалисты встрогаются все глубже и глубже в Китай. Война в Северном Китае и в Шанхае в полном разгаре. Весь китайский народ поднялся на борьбу за свое существование. Прав, тысячу раз прав тов. Ленин, когда он пишет, что «полюжение складывается теперь как, что сохраняет международный мир это значит добиться прежде всего поражения фашистских захватчиков в Испании и Китае» (см. «Правду», от 1 августа с. г.).

Революционные и прогрессивные писатели Китая создают свою роль во всемирном подеме и глубоко чувствуют необходимость принять участие в великой борьбе против японских захватчиков. Революционная антиимпериалистическая, антиапогонская литература Китая выполняет свои задачи.

Всем известно, что по инициативе Максима Горького была составлена книга «День мира». Мысль М. Горького натолкнула китайских писателей на создание подобной же книги. Китайские литераторы в прошлом году выпустили книгу «День Китая».

Таким днем был выбран день 21 мая 1936 г. В этой книге напечатано больше 500 произведений. Там имеются рассказы, и очерки, и дневники, и переписка, и короткие одноактные пьесы. В основном эти произведения были написаны не литераторами, но материалами собраны разнообразные и свежие. На 800 страниц мы видим: разорение китайской деревни, эксплуатацию деревенской бедноты помещиками и кулаками, разращенность богатых горожан, борьбу китайских рабочих масс, отважные национальные герои, бесстрашие и раскованное существование женщины, непримиримые угнетенных...

Хочется остановиться еще на одной книге, которая вышла в прошлом году под редакцией Лу Синь. Книга эта называется «Заморский рассказ». Ее составил член ЦК компартии Китая, член президиума ИККИ, наркомпрос китайского советского правительства товарищ Цюй Цюбо, погибший полтора года назад.

Тов. Цюй Цюбо перевел статьи и высказывания основоположников марксизма по вопросам литературы и искусства и большую часть публицистических статей Максима Горького.

Лу Синь после гибели тов. Цюй Цюбо бережно собрал его рукописи и издал в трех томах. До смерти Лу Синь вышел только первый том. Это большой и ценный вклад в китайскую современную литературу. В этом году вышел второй том, предполагается в ближайшее время издание закончить.

Японские империалисты встрогаются все глубже и глубже в Китай. Война в Северном Китае и в Шанхае в полном разгаре. Весь китайский народ поднялся на борьбу за свое существование. Прав, тысячу раз прав тов. Ленин, когда он пишет, что «полюжение складывается теперь как, что сохраняет международный мир это значит добиться прежде всего поражения фашистских захватчиков в Испании и Китае» (см. «Правду», от 1 августа с. г.).

Революционные и прогрессивные писатели Китая создают свою роль во всемирном подеме и глубоко чувствуют необходимость принять участие в великой борьбе против японских захватчиков. Революционная антиимпериалистическая, антиапогонская литература Китая выполняет свои задачи.

Всем известно, что по инициативе Максима Горького была составлена книга «День мира». Мысль М. Горького натолкнула китайских писателей на создание подобной же книги. Китайские литераторы в прошлом году выпустили книгу «День Китая».

Таким днем был выбран день 21 мая 1936 г. В этой книге напечатано больше 500 произведений. Там имеются рассказы, и очерки, и дневники, и переписка, и короткие одноактные пьесы. В основном эти произведения были написаны не литераторами, но материалами собраны разнообразные и свежие. На 800 страниц мы видим: разорение китайской деревни, эксплуатацию деревенской бедноты помещиками и кулаками, разращенность богатых горожан, борьбу китайских рабочих масс, отважные национальные герои, бесстрашие и раскованное существование женщины, непримиримые угнетенных...

Хочется остановиться еще на одной книге, которая вышла в прошлом году под редакцией Лу Синь. Книга эта называется «Заморский рассказ». Ее составил член ЦК компартии Китая, член президиума ИККИ, наркомпрос китайского советского правительства товарищ Цюй Цюбо, погибший полтора года назад.

Тов. Цюй Цюбо перевел статьи и высказывания основоположников марксизма по вопросам литературы и искусства и большую часть публицистических статей Максима Горького.

Лу Синь после гибели тов. Цюй Цюбо бережно собрал его рукописи и издал в трех томах. До смерти Лу Синь вышел только первый том. Это большой и ценный вклад в китайскую современную литературу. В этом году вышел второй том, предполагается в ближайшее время издание закончить.

Японские империалисты встрогаются все глубже и глубже в Китай. Война в Север

А. СУРКОВ

Некрасов-сатирик

1

В многообразии и многожанровом поэтическом наследстве Н. А. Некрасова сатирические стихи занимают почетное место. Сатира пронизывает, как составная часть, многие лирические и эпические произведения Некрасова. Есть все основания считать Некрасова отцом русского сатирического стиха и родоначальником школы русских поэтов-сатириков.

И до Некрасова лучшие русские поэты прибегали к сатирическому стиху как к средству политической борьбы и полемике. Но на редких исключениях («Горю от ума»), тематика сатирических стихов ограничивалась областью морально-бытовых проблем или вопросами литературной борьбы. Эпиграммы и памфлеты с политическим содержанием, как правило, не выходили за рамки полемической рукописной литературы, доступной ограниченному кругу читателей.

Некрасов первый внедрял сатирический стих на страницы журнала как гибкое, разностороннее в борьбе, которую вел революционная крестьянская демократия с силами феодально-крепостнической реакции.

Современные Некрасову критики не хотели и не могли подойти к его сатирическим стихам как к особому новому явлению в русской поэзии. Да и в годы после смерти Некрасова никто из исследователей не стал нужным специально и глубоко исследовать сатирическое наследие поэта, хотя для каждого, знавшего историю нашей поэзии, ясно огромное влияние именно этой стороны творчества Некрасова на развитие русского сатирического стиха.

Для советской поэзии, в которой сатирическая струя выражена очень слабо, опыт Некрасова-сатирика приобретает особую актуальность. Не отпадая себе давать лишь несправедливое исследование всех элементов некрасовской сатиры, я хочу в этой статье отметить лишь некоторые ее наиболее существенные моменты: стилистику, тематику и содержание сатирических стихов Некрасова.

2

Перед тем как стать «певцом мести и печали», Некрасов прошел сквозь годы волевыми-кустарного ремесленничества.

Нравы и приемы этого периода не прошли бесследно для его последующего творчества. Остаточное влияние работ этих лет мы часто ощущаем, встречая в стихах Некрасова некоторую стилистическую неровность и склонность к растягиванию стихов.

Но зато работа на массовую публику несомненно облегчила поэту изучение новых элементов стиха, помогла оттолкнуться от канонов «камерной» дворянской поэзии и приблизиться к тому, что делало поэзию Некрасова подлинной поэзией миллионов.

Некрасов арестован — острый сатирик, грозный обличитель преступлений правящих классов — неминуемо далек от Некрасова — автора волевого и купюры. Некрасовский смех — это гримасный и гримасный сарказм политического бора, бросающего гневные обвинения в лицо реакции, ее столпам и ее приспешникам. Обвиняя правящие классы, поэт адресуется к передовым слоям общества, хочет разбудить гнев и ненависть миллионов. Это определяет основные элементы содержания и стилистики некрасовских сатирических стихов.

Одним из признаков сатирического стиха Некрасова является прием социального контраста, в отношении которого бытовой и психологический моменты играют подчиненную роль.

Многие произведения Некрасова построены на основе этого ведущего принципа. С ним мы встречаемся в стихах «Убогая и нарядная», «Размышления у парадного подъезда», «Железная дорога», в чисто сатирических произведениях «Валет», «Современники» и т. д.

Поразительным примером пользования приемом социального контраста является мастерски сделанная сцена кутежа финансовых тузов в поэме «Современники».

Миллионщик Савва, ошарашен от пылкого шампанского, затихает хвостом за сердце страшную бурлящую пену!

Хлебосуды нет,
Валетом дом,
Сколько ум, лет
Каме поем
Горю свое,
Плохо жить!
Два-три подрабочка о дедушке Саввой

В пеню душу владут;
Спой так певец — наградишь бы
Славой!

За сердце звуки берут.
Что же это, господи! Всех
Задумавшей

Шкура гоголь звучит!
Вет лесами, рекою, деревней,
Русской истомой томит!
Все в этой песне: тупое терпение,
Долгое рабство, укор...
Чуть и меня не привел в умиление
Этот разбойничий хор!

Этим глубоко оправданным художественным приемом Некрасов как бы раскрывает страшный фон действительности, на котором происходит шашал «золотой горячки» входящего в силу русского капитализма.

Последовательность в применении этого приема ни в малой мере не оспаривает стиха Некрасова. В каждом частном случае контраст художественно оправдан всем ходом событий.

Некрасов в своих сатирических стихах — последовательный реалист. Прием гиперболизации, к которому, как правило, прибегает юморист и сатирик, не пользуется у него почетом. Некрасов редко и неохотно прибегает к гиперболе. Гиперболу замещает у него своеобразный селекционный прием социальных и психологических черт и фактов, не нарушающий реалистичности описываемых событий и портретов персонажей.

Создавая сатирический портрет, Некрасов не прибегает к приему утрировки и пародии. «Современники» и ряд других некрасовских произведений дают огромную галерею глубоко реалистических портретов, нарисованных кистью едкого сатирика.

Большинство сатирических произведений Некрасова по композиционным принципам есть произведения обзора. Начиная от ранних, еще почти целиком «волевыми» произведений, вроде «Говоруна», через стихи «О погоде», «Зеленая», «Песни о свободном слове», «Недавнее время», «Валет», «Медвежий охот» до крупнейшего сатирического произведения — «Современники», Некрасов систематически прибегает к форме обзора.

Несомненно, на предпочтении этой формы сказались волевыми период работы поэта, но не в этом главное. Сам характер некрасовской сатиры — злободневной и политической заостренности, широкий диапазон интересов толкнул поэта на предпочтении формы обзора. Форма обзора наиболее гибкая, эластичная, лишена торжественности, присущих композициям сужетого произведения.

Реалистический характер всей поэзии Некрасова позволял ему найти такие приемы организации стиха, при которых сатирический элемент входит в лирическое или эпическое произведение как естественная составная часть, не разрывая общей стилистической ткани стиха.

Сатирический стих Некрасова развивался не без влияния пародийно-эпиграмматической дворянской поэзии. Но влияние это не широко. Тяготение некрасовского стиха к массовости не могло быть реализовано в форме, приспособленной к выражению тончайшего салонного остроумия. Чаще Некрасов пользуется приемом пародирования образов дворянской поэзии в своих сатирических стихах. Столь же часто он пользуется приемами «высокого» поэтического стиха для контраста, наполняя ритмические схемы «высокого» стиха («Колыбельная», «Секрет» и др.) «низкими» содержанием.

У хладных неских берегов,
В туманном Петрограде,
Жил некогда господин Долгов
С женой и дочкой Надей.

Для усиления сатирического эффекта Некрасов прибегает к цитатам из популярных произведений, вводя их по принципу внешнего сходства, при резком контрасте по существу.

Иногда пародийное использование цитат сочетается с игрой на речных «высокого» стили, применяемых к сугубо низкому объекту.

Иду — и отворяю дверь...
Одно из славных русских лиц
Со взглядом кротким без границ,
Полуоткрытым к земле,
С печатью тайны на челе,
Тогда предстал передо мной
Администратор молодой (т. е. жандарм. — А. С.).

Близко к таким приемам стоит и частый в творчестве Некрасова сатирический прием отрицания через утверждение. Этот прием лежит в основе стихотворения «Нравственный человек», «Прекрасная партия» и др.

Если в сатирических стихах Некрасова сравнительно слабо отражено влияние сатирического опыта русских поэтов-предшественников, то значительно сильнее запечатлено на них родство с творчеством знаменитого французского демократического шансона Бераже. От Бераже воспринял Некрасов в ряде своих стихов («Колыбельная», «Нравственный человек», «Остроумность», «Публика», «Пропала книга», «Петербургское послание», «Восемь» форму куплетного стиха с повторяющимися неопределенными или варьируемым рефреном.

Но пределы близости Некрасова к Бераже ограничены. В силу исторических условий и особенностей своего таланта Некрасов резко отличается от знаменитого парижского шансона преобладанием в сатирических стихах резкообличительных и гневных тонов. Сатира Некрасова предстает перед нами как явление ярко самобытное.

3

Разнообразие тематики и обзоров некрасовской сатиры пропорционально разнообразию приемов и стилистических оттенков его сатирических стихов.

Если молодой Некрасов в ранних, «волевыми» стихах не выходит за пределы быта чиновничьей мелкоты, то в зрелых своих стихах он направляет удары преимущественно и даже исключительно в сторону верхних слоев исторической судеб современности России, их слуг и приспешников. «Каравайная мушкетера» Некрасова становится дружественной и доброй лишь в тех случаях, когда она встречается с крестьянином или городским бедняком.

В «крестьянских» стихах, в особенности в эпопею «Кому на Руси жить хорошо» и циклы, посвященные детям («Дед Мазай и зайцы», «Генерал Топтыгин», «Крестьянские дети»), саркастическая усмешка сходит с губ поэта, уступая место светлой улыбки доброжелательного юмора. Даже показывая в главе «Сельская армия» темные стороны сельского быта, поэт не грозит захмелевших и распоясавшихся мужиков гневными словами обличения, а доброжелательно, дружески над ними подтрунивает.

Зато как только под его перо попадает помещик, администратор, финансовый туз или прекраснотупый болтуш-либерал, перо заливается желчью, и гневный стих начинается рубить, как тяжелый топор.

В сатирических стихах Некрасова перед читателем длинной вереницей проходят «герои» современного поэту общества. Создавая своеобразную портретную галерею политических врагов крестьянской революционной демократии, Некрасов отчетливо и выразительно, со скупостью исследователя-сопоставителя, воспроизводит историческую обстановку, в какой происходила смена общественно-исторических формаций в 60-х годах. Сатирические стихи Некрасова — не только отзвуки отторженных классовых битв, но и документы, полные умного, тонкого и едкого анализа явления, сопровождавшего великие исторические события. В них Некрасов выступает не только в качестве тонкого знатока человеческой психологии и человеческих поступков, но и в качестве дальновидного исследователя, раскрывающего экономические и политические причины, управляющие действиями и поступками людей.

На первом плане сатирической поэзии Некрасова разномыслие типов помещиков-дворянских среды, исторические банкроты — зурбы-крепостники, ортодоксы куты и барщины и административные верхи, обслуживающие лужды этого реакционного класса.

Галерея портретов крепостников увенчивается образом румяного скитлика, Гаврилы Афанасьевича Аболты-Обалдува, осмеянного поэтом со всей его родословной, со всем его тупым геральдическим чванством и просто-душно-растительной психологией несправедливого крепостника. К нему примыкает и образ парализованного «подельца», князя Утигина, воплощающий в себе все уродливые черты помещичьего барства.

В генерале Рудометове и генерале Киселе, вопреки судьбы поставленному прямо от заведывания конским реарвом к управлению делами искусства, Некрасов клеймит тупую, продажную, бескультурную и самодовольную административную феодально-крепостническую государственность.

Показывая вырождение феодально-крепостнического строя и его представителей, Некрасов в новой силе, идущей на смену крепостнику, острим чутым демократа-народника чувствует вольше ее существо.

Эта сила, написав на своем знамени лозунг «цивилизаторного» грабежа, вступает в компромиссные отношения с крепостниками. Она затаривает дорогу в «трудовой рай», созданный мелкобуржуазной утопической налостью. Она несет народу те «лишь пеня», о которых поэт писал, отключаясь на «освобождение» крестьян.

Естественно, что Некрасов, сторонник утопии общинного социализма, острейше встречает появившегося на исторической сцене доморощенного «американца».

Бредит Америкой Русь,
К ней таговет сердечный...
Шушбо-Ивановский гусь —
Американец! Конечно!
Что ни пошло — тащат,
«Нам идеал» — говорят —
«Завтрашний брат»...

Приход этого «американца» поэт предчувствовал еще в сороковых и пятидесятых годах. Свидетельство тому — стихи «Секрет», «Ростович» и др. С течением времени «чужаки» миллионщик уже становится существенным историческим фактором.

Апофеоз «золотой горячки» раскрывает Некрасов в поэме «Современники». Он дает здесь во всей неприглядности наготы представителя промышленно-финансовой плутократии, всех этих Зацев, Савы, Грошей, Шкуриных. С истеричивающей полнотой он раскрывает и методы, которыми орудуэт эта дельца.

Прибыл подрядчик на место работ,
Вместо науки, с одним «глазом»
Бродит по селам с своим инженером,
Глядит рабочим — никто не идет!
Земли кругом тут дворянские были —
Только дворяне о них позабыли.
Всем тут орудовал бригады «кустарь»,
Преображенной орудия царь.
Жители рыбы в озерах ловили,
Сняли бедняки на пеньев смолу,
Брали моршук, опенки солили
И говорили: «Небдем в кабылу!»
Не послушались, порядки и прочего,
Прежде всего: создавай тут «рабочего».

Как же создаль его? Шкура не снит.
Земли, озера, болота, графит,
Все откупил у помещика,
«Все-до последнего лепешка!»
(Как эвентический сам говорит).
Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Кан на-под ног ее почва ушла...
Мысль эта, смею сказать, дучезарная
Наши доходы спасла.

Из одно из произведений русской художественной литературы не раскрывает о такой полнотой и тщательностью характер начальной стадии утверждения русского капитализма, как некрасовские «Современники». В этой поэме Некрасов поднимается до такой

степени понимания характера капитализма, до какой не сумел подняться никто из его современников писателей-народников. Это его великая историческая заслуга. Благодаря именно этому качеству стиха его, пережив десятилетия, не теряют своего значения до сих пор.

В числе объектов бичующей некрасовской сатиры на первом плане стоит российский либерал.

В стихах Некрасова, отмеченных печатью презрения и негодования, проходит перед читателем «либерал» и салонные «якобинцы» всех мастей и оттенков. В стихотворении «Человек сороковых годов» поэт раскрывает историческую природу этого типа:

«Пришел я к крайнему пределу...
И добрый, я честен; я служу
Не согласуясь душному делу,
За добрым рад не есть, не пить,
Но иногда пройтись стороной
В вопросах трюном и живом.
Но понижать мой голос авонкой
Перед вышестоящим лицом —
Уны! вошло в мою натуру!
Не от рожденья я таков,
Но я прошел через цезуру
Всех николаевских годов:
На всех, рожденных в двадцать
Патом

Году и около того
Ототел жестоким фатум...»

Такова историческая почва, на которой выросло «бесполезное» племя «справедливых» русских либералов. Навыкшие заграничной литературы, напьющиеся духа западной цивилизации, они начинают пытаться что-то делать, но при первой трудности, подобно героям поэмы «Савва», спешат бить отбой, скрывая свое бессилие за громкими фразами о нравстве страны и народа, неспособного воспринять высокие и гуманные идеалы.

Убийственную характеристику исторического типа российского либерала встречаем мы в «Медвежий охот»:

Дилетантик обязательный,
Честен мыслям, сердцем чист!
Помню я твой восторг мечтательный.
Либерал — идеал!
Созерцающий, читающий,
С неотступной хандрой
По Европе развешивающий,
Здесь и там — всему чужой.
Для действительности скованный,
Верхоглядом жил ты зря...
Грозный деятель в теории,

Беспощадный радикал,
Ты на улице истерик,
С пошлостью мизантроп...

Однако судьба таких «революционеров» Смолу отдала «даль духу времени», а едва войдут в «положительный возраст» и уже:

Мудрейшее создание стихомолку
Такого рода прочные места,
Где служба по возможности чиста,
И, средние оклады получая,
Не принося ни пользы, ни вреда,
Живут себе под старость, припеваю.

В своей ненависти к либералам Некрасов раскрывается во все рост как представителя левого революционно-демократического крыла русского общественного движения 60-х годов. Сатирические стихи Некрасова, направленные против либералов, могут быть поставлены в сравнение с шедеврами великого обличителя российского либерализма М. Е. Салтыкова-Щедрина.

«Русская поэзия не дала поэтов, которые бы по силе сатирического таланта, широте тематики и боевой целеустремленности могли бы быть поставлены в сравнение с Некрасовым. Применительно ко всей сатирической струе творчества Некрасова единственной сравнительной величиной был и остается прозаик Салтыков-Щедрин.

Обоих писателей роднит не только работа бок-о-бок на боевом посту журнальной борьбы, но только идеальное родство, но и вытекающее из этого сходство мотивов сатиры, близость кругозора, одинаково гигантский размах гневного, обличительного таланта.

двой стране. Увеличитель, этот неутомимый веселый странник, беззаветно преданный своей родине, ненавидящий ее угнетателей, поднимающий массы людей на борьбу с оккупантами и защитниками мракобесия, — этот образ поэт и близок труду, писавшим массам всего мира. Веселый, находчивый, остроумный, нескрупулезный оптимист, неизменный защитник бедноты, героический участник освободительного движения, Уленинщель остается народным героем не только в Бельгии, но и в Германии, и в Италии, и в Польше и многих других странах.

Роман Крестера, исторический по форме, никогда не терял своего актуального значения для современников. Тем более велико его значение теперь. Его демократический народный дух зовет массы к сплочению, поднимает их на защиту своего права на жизнь, на хлеб, на свободу.

На русском языке «Уленинщель» издавался неоднократно. По литературе Крестера у нас очень невелика. И в этих немногочисленных статьях, в сочинениях, часто можно встретить смешанные упреки. Например, в предисловии к недавно вышедшему (1937 г.) изданию «Уленинщеля» А. Д. Эпштейн упрекает Крестера в том, что он не понимал неизбежности капиталистического развития, не видел пролетариата и его роли в истории. Вряд ли нужно защищать Крестера от таких обвинений.

В политическом взгляде Крестера действительно можно найти немало слабых мест. Но его сила и значение в глубокой органической связи с народом, в подлинном демократизме. Как и Шаллер, он заслуживает почетное звание «благородного адвоката человечества». И он навсегда останется в истории мировой литературы не только как один из самых талантливых перерос и исторически и национальные рамки и стал одним из самых близких в понятиях народных массам всего мира.

«Вид на реку Сету» — картина Волкова (Московская область). Бюссонская выставка народного самодельного изобразительного искусства.

Трибуна читателя

Из дневника

12 апреля 1937 г.

Сегодня «Известия» в полдень, посвященной В. В. Маяковскому, печатают его «Стоп». До чего же и сейчас злободневны и нужны эти строчки, написанные еще в 1928 г. Действительно, «как живой о живых говору»...

Каким упреком звучит это стихотворение нашим поэтам. Не в бровях, а в глазах бьет оно не только бюрократов, но любящих самокритику, но и многих наших мастеров поэзии, которые оставили работу в газете.

О Маяковском больше любят вспоминать. Вспоминают, восхищаются и друзья и бывшие недруги. Я регулярно посещаю вечера памяти поэта. Они входят в обычай воспоминания друзей Маяковского одного и того же характера. Больше говорят о своих перописах и мало о существующем для характеристики облика поэта.

Но это все воспоминания, а вот с продолжением замечательных традиций лучшего поэта — традиций боевой, политической, газетной поэзии, — о этом стало очень плохо. Это сейчас пишет в газете? — Гусев, Сурков, изредка Демьян Бедный... да и обещал А. Гле Асеев, Кирсанов, всегда представлявшие себя «наследниками» Маяковского?

Своей работой в газете, особенно в «Комсомольской правде», Маяковский наглядно показал, что не только поэт давал прекрасные оружие газете, но и сама газета воспитывала поэта. Воспитывает и политическая (в выборе и осознании темы), и о точности зрения совершенствования поэтического мастерства. Последнее, конечно, возможно при достаточной требовательности поэта к самому себе, а работников редакция — к произведениям поэта. Ох, как необходимо такое воспитание нашим стихотворцам! А то зачастую «именитый» насмех напишет, а редакция, доверяясь «имени», пустит в печать, и забываю, что читатель понимает толк в стихах. Читатель пошел теперь беспоясанный, требовательный!

15 июля 1937 г.

Громов все! Вчера Чкалов, сегодня Громов. Все сокращение моты осуществил наш народ... Тут любой «сустар» заплет, а «пламенные души» поэт все пребывает в холодном молчании. В чем тут дело? Почему молчали наших поэтов ничто не трогает? Эти недоуменные вопросы не у меня одного. Об этом часто слышишь от товарищей.

В доселе на наших поэтов читателей, особенно молодежь. Нам, воспитанным на прекрасных образцах политической поэзии Маяковского, Бедного, как-то странно в такие дни не читать ничего проявленного. Неужели душа поэтов не вадеть величьем этих дней? Ведь прекрасно же поэт сатиры — Стальский, Джамбул. А вы, Светлов, Голынский, Алтухов, вы, искатели романтики! Или для вас наши дни не романтичны? Или по-вашему то, что становится явью, уже не романтика?

Я часто задаю себе вопрос о причинах молчания многих наших поэтов. Говорят, появилась та банда критиков бухаринского толка, которые вически оханами работу поэтов в газете. Ведь им дали отпор еще на сессии писателей.

Может быть, газеты не стараются пригласить поэтов для работы. Если судить по «Комсомольской правде», то там, перлоп, поэтов и стихи раздобили. Когда-то эта газета была яр-

кой носительницей традиций политической поэзии, а за последние месяцы — ни одного стихотворения. А ведь, казалось бы, «Правда» дает хороший пример: в ней чаще, чем где-либо, печатаются стихи советских поэтов.

27 июля 1937 г.

И это написал Светлов! Это его «Песня о трех товарищах»? Обидно за автора «Гренады».

Нет, не достаточно сказать, что наши поэты не пишут в газете. Что толку, если будут писать так бездушно и небрежно! Рифмы: «подар — летать», «летел — дель», «мотор — гор», «промелькнули — ватинули». А ведь, Светлов не плохой мастер. Его «Гренада» нельзя забыть. Там и рифмы прекрасные: «жизнь — лезть», «хруст — малых» и т. д. Вот, читая Маяковского, всегда находишь свежие, новые рифмы. Это обогащает поэзию, освежает стих, а у нас до сих пор умирают: если пишет поэт в газету, то шоруют, как бы пошлостью. Но читатель разбирается, уважаемые поэты! Он знает, что такое хорошее стихотворение!

Маяковский многие свои значительные вещи еще до печати нес в клубы, в молодежную аудиторию и внимательно прислушивался к голосу читателя. Никогда не забывай этих поэтических вечеров! А теперь что-то не слышно ни вечеров, ни диспутов. Или поэтам не о чем идти на них? С поэтами обыкновенно встречаемся на концертах, где, конечно, нельзя поговорить по душам. А голос читателя — большое дело!

Вот, например, Жаров начатая в «Литературной газете» отрывок из новой поэмы «Варя Олинькова». Стихотворение называется «Шпак». Я не знаю, может быть эта тема (шпак) требует чашечного ритма. Но ведь это — реальный! Самый примитивный. Единственно, что запомнилось, — курьезное место, где автор писал лояльному со старинцем:

«Теплый пар держал у рта.
И ворочался на спину
С животом.
Положил в уединении
(Тепл нет и нет жены)
И — в обратном направлении!
На живот
Со спины».

Ну, где бы увидели автора, чтобы сказать ему то, что чувствуешь. Письмо писать — некогда, а дойдет ли? А у ребят уже эпиграммы сложилась:

«...Жаров только тем живет,
Что вертится
Со спины
На живот.
А потом опять
На спину...
Сразу видно!
Этот стих Жаров
Скинул...»

Мне рассказывал один товарищ, как на поэтических консультациях поэты придирчиво требовательны к стихам начинающих. И конечно справедливо требовательны. Но как было бы хорошо, если бы с такой же требовательностью они подходили к своим стихам, к каждой своей строчке, слову. И ставе их было бы лучше, и нам приятнее. Да и газете надо подходить к «именитым» не о меньшей требовательностью, чем к «спячкам», тем более, что многие «именитые» мастера, к сожалению, по качеству своего стиха недалеко ушли от начинающих...

В. АРТЕМЬЕВ

Лейтенант, слушатель Военной академии им. Куйбышева

Антология азербайджанской поэзии на русском языке

В скором времени советская литература обогатится новым ценнейшим вкладом — антологией поэзии азербайджанского народа на русском языке.

Сокровища многовековой азербайджанской поэзии и новейшие ее достижения должны стать достоянием широкой массы советских читателей.

В антологию будут собраны произведения 18 классиков, 10 лучших поэтов современности и 28 ашугах Азербайджана.

Одновременно тысяча стихотворных строк, среди которых лучшие строки лирических произведений Вахфа и Вадиди, философской поэзии Физули, произведений Низами и др. обранные в этой книге.

В течение двух лет работала над созданием антологии группа советских поэтов.

Под руководством В. Луговского три бригады поэтов, побывавшие в Баку, перевели на русский язык лучшие образцы азербайджанской классической, современной поэзии и народного эпоса.

В переводах приняли участие поэты И. Асеев, П. Антокольский, М. Светлов, А. Адалис, В. Державин, М. Алигер, Е. Долматовский, В. Врик, и др.

В настоящее время работы над переводом уже закончены, и книга сдается в печать.

А. МЕЛЬНИКОВ

Шарль де-Костер

20 августа 1827 года, — это день лет казал, — родился один из выдающихся мастеров западноевропейской литературы, знаменитый бельгийский писатель Шарль де-Костер.

Шарль де-Костер оставил значительное количество произведений. Первые его книги: «Фламандские легенды» и «Брабантские рассказы» прошли совсем незамеченными. Так же мало внимания привлекал к себе и его повести и рассказы, написанные в последний период жизни («Свадебное путешествие», «Путешествие в Зеландию», драма «Стефания» и др.). Никто Костера не прославляла «Легенда об Уленинщеле» — произведение, над которым он работал более 10 лет и которое стало главным делом его жизни.

При жизни Костера «Уленинщель» почти не получил признания. Первое его издание, вышедшее в 1861 году, осталось недоступным для широкого читателя. Книга вышла до роим изданием «ни вавтор» о 32 оборотах лучших художников Бельгии. Пресса хранила о нем упорное молчание. И Костер так и умер безвестным писателем, в нищете и одиночестве. Только в 1893 году, через четыре года после его смерти, вышло наконец первое общедоступное издание «Уленинщеля». И с этого времени начинается непрерывно растущая его популярность.

Заговор молчания, окружавший Костера столь долгое время, был далеко не случайным. Его ник в коей мере нельзя объяснить тем, что критика не заметила или не поняла художественных достоинств его твор-

чества. Правда, исторический романтизм «Уленинщеля» и широкое использование фольклора противоречили требованиям господствовавшего тогда натурализма.

Но в конечном счете это имело второстепенное значение. Главная же «присутков» Костера состояла в том, что он создал подлинно народное произведение, в котором резко противопоставил богачам, чиновникам и дворянам всю массу притесненных трудящихся. С первых же страниц романа ясно раскрывается его социальный смысл: «вверху — кровопийцы народные, внизу — жертвы; вверху грабители-шерины, внизу — работающие печель».

Роман после смерти де-Костера вышел большим количеством изданий, он начал переводиться на иностранные языки и приобрел широкую известность за границей.

Уленинщель — национальный герой «дуг Фландрии» — в течение одного десятилетия совершил триумфальный побег по всему миру. Он обрел роднику во всех странах. Он яв

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КАЛЕНДАРЬ

1852 год

«Записки охотника»

85 лет назад, в августе 1852 года, вышло первое отдельное издание «Записок охотника» Тургенева. В эту книгу были собраны его рассказы, печатавшиеся в «Современнике» главным образом в 1847, 1848, 1849 гг. Как известно, рассказы эти имели исключительный большой успех. Лучшие из них, написанные под непосредственным влиянием Белинского, воспринимались как прямой обвинительный акт крепостному праву.

Поступившее в московскую цензуру собрание рассказов Тургенева было тем не менее разрешено к печати. Цензор Львов не нашел оснований запретить перепечатку рассказов, опубликованных ранее в журнале. Ему пришлось за это дорого заплатить...

Министерство народного просвещения тогда же спохватываясь, что цензура сделала крупный промах. О «Записках охотника» было начато следствие, в результате которого министру народного просвещения были представлены следующие выводы: «Книга г. Тургенева делает более зла, чем добра, и вот почему. Полезно ли, например, доказывать нашему грамотному народу, что он одиозен и крестные наши... находятся в угнетении, что помещики, над которыми так надевается автор, выставили их пошлыми дикарями и сумасбродами, ведут себя несправедливо и противозаконно, что сельское хозяйство разболевается перед помещиками, что исправники и другие власти берут взятки, или, наконец, что крестьянину жить на свободе гораздо приятнее, лучше».

Министр одобрил доклад и представил свои соображения Николаю I. «Распространение столь невыгодных мнений», — писал он, — насчет помещиков без сомнения послужит только к уменьшению уважения к дворянскому сословию со стороны других сословий».

Царь немедленно согласился с соображениями министра. Однако издать книгу из продажи предостережения не было, тем более, что значительная часть тиража была уже распродана. Оставалось только сослаться на разрешение цензуры. В Москву полетела телеграмма: «Отставить за небрежное исполнение своей должности» цензора кн. Львова.

Книга разошлась очень быстро. Но о новом издании в течение ряда лет нельзя было и думать. И «Записки охотника» стали драгоценной редкостью и приобрели в результате еще большую популярность.

1863 год

Умер Шепкин

23 августа 1863 г. умер Михаил Семенович Шепкин, выдающийся актер и реформатор русской сцены. Вышедший крепостной, ставший крупнейшим актером русской сцены, он описал свою жизнь в «Записках крепостного актера».

В первой половине прошлого столетия Шепкин был участником многих литературных кружков. Но особенно тесная дружба связывала его с Герценом, Белинским и Гривинским. В сороковых годах он был одним из виднейших участников кружка «западников». Вместе с Белинским он совершил большую поездку по югу России. В пятидесятых годах он специально ездил в Лондон к Герцену, для переговоров о возвращении последнего в Россию.

Белинский писал о нем: «Горькое искусство состоит не в том только, что он в одно и то же время умеет возбудить и смех и слезы, но в том, что он умеет заинтересовать зрителя судьбой простого человека и заставить его рыдать и трепетать от страданий какого-нибудь матроса, как Мочалов заставлял их рыдать и трепетать от страданий принца Гамлета или полководца Отелло».

Эту «страсть демократии» в его игре отмечал и Герцен.

«И притом, — писал Герцен, — он был великий артист по привычке и по труду. Он создавал правду на русской сцене, он первый стал не театральным, а театром, его воспроизведения были без малейшей фразы, без аффектации, без шаржа. Игра Шепкина была до доски до доски была проникнута теплотой, наивностью; изучение роли не стесняло ни одного звука, ни одного движения, а давало им твердую опору и твердый грунт».

«Переписка

Ивана Грозного
с Курбским»

Издательство «Academia» выпускает «Переписку Ивана Грозного с Курбским».

Переписка ярко отражает острую политическую борьбу молодого помещичьего класса с реакционным боярством в XVI веке.

Кроме трех писем Курбского и двух ответных корреспонденций Грозного, в книге печатаются написанные Курбским в эмиграции «История о великом князе московском».

Однотомник

Вольтера

Избранные произведения Вольтера в одном томе выходят в Гослитиздате.

В томе печатаются философские повести, трагедии, поэмы и лирические стихи писателя.

Вступительная статья И. К. Луппова знакомит с основными фактами жизни и творчества Вольтера. Объем книги — 40 печатных листов. Тираж — 10 тысяч экземпляров.

В ближайшие дни на экранах Москвы начнет демонстрироваться новый звуковой художественный фильм «Шахтеры» производства Ленфильм по сценарию А. Каллера. Режиссер — заслуженный деятель искусств С. Юткевич, главный оператор — Н. Мартов. На снимке: кадр из фильма «Шахтеры». Откатчика Галка (артистка Э. Федорова), шахтеры (артисты Лукин и Назаренко, Чикаевский) (Союзфото).

Летчики-читатели

Среди командиров и слушателей Военно-Воздушной Академии немало строгих критиков художественной литературы. Интерес к книге здесь громадный. Требования к качеству литературно-художественных произведений с каждым днем повышаются. Достаточно указать, что на книгу «Как закладывалась сталь» и «Рожденные бурей» Н. Островского, «На Востоке» П. Папенко — спрос колоссальный. А «Окей» и «Китайский повест» В. Пильняка месяцами лежат на полках библиотек.

Многие читатели хорошо владеют иностранными языками.

Герой Советского Союза Н. П. Каманин читает в подлиннике Диккенса. Очень много читает слушатель Военно-Воздушной Академии Ф. И. Черненко. За пять месяцев т. г. он прочел 49 книг. Среди них произведения Байрона, Стендаля, Дж. Лондона, Л. Арагона, Романа Роллана, А. Барбюса, М. Горького, А. Чехова, В. Маяковского.

В клубе академии были показаны литературно-художественные монтажи произведений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, «Поднятой целины» М. Шолохова, «Пусымы» А. Новикова-Прибоя и др. Преподаватели и слушатели.

тели академии принимали в эти вечера активное участие, выступая с разбором показанных произведений.

Большую помощь оказали преподаватели и слушатели т. Давурину, врачу академии, автору пьесы «Семья Волковых», которая была поставлена на сцене московских театров. Товарищ Давурин в процессе работы читал свою пьесу летчикам, которым она посвящена. Благодаря этому, автору удалось создать пьесу вполне грамотную с точки зрения авиационной техники.

Много помогли указания преподавателей и слушателей академии авторам и режиссерам фильма «Летчики». Во время дискуссии о фильме они получили немало ценных советов.

Каковы же требования слушателей к преподавателям академии к писателям и издательствам?

Большим успехом пользуются среди летчиков книги, отражающие настоящее и прошлое авиации. Среди них — «Большая земля» Лавренева, «Земля и небо» Сайнова, «Записки летчика-испытателя» Колликова, «Лиды, которые летают» В. Толстого.

К сожалению, таких произведений очень мало, так как наши издатель-

ства (Гослитиздат, «Советский писатель» и др.) до сих пор не уделяют должного внимания вопросам авиации, так же как и военной тематике.

Отмечают работники академии и недостаток на книжном рынке произведений иностранных классиков — Гете, Гюго, Дюма, Золя, Мопассана, Шенкеля, Шиллера. Одновременно они указывают на плохое качество переводов этих произведений.

Работникам библиотек часто приходится высказывать протесты летчиков, когда они не могут получить сочинений Марка Твена, О. Генри, Т. Драйзера, Э. Синклера, Хемингуэя. Это вина издательства, которое выпускает переводные книги в небольших тиражах.

Но так обстоит дело не только с иностранными авторами. Даже горьковский «Клим Самгин», который пользуется в академии особенной любовью, до сих пор не выпущен в общедоступном, массовом издании.

Глубоко интересуются летчики биографиями писателей. Но, к сожалению, они не могут найти ни литературных портретов писателей, ни биографических очерков о них.

СТИФ.

Навстречу XX-летию
Великой пролетарской
революции

Юбилейные номера
журнала
«Интернациональная
литература»

В русском издании журнала «Интернациональная литература» будет напечатан новый антифашистский роман немецкого революционного писателя Вилли Бределя — «Твой неизвестный брат».

В связи с последними событиями в Китае, развитием широкого народного движения китайских масс против агрессии японских захватчиков, особый интерес приобретают помещаемые в номере новеллы умершего в 1936 г. крупнейшего китайского писателя-реалиста Лу Синя, революционного писателя Мао Дуня, революционной писательницы Тин Линь и других. Новеллы рисуют героическую борьбу китайских революционеров.

В разделе «Героические биографии» будут помещены очерки Ромэн Роллана, Апри Барбюса, Эгон Эрвима Кинна и других — о героях революционной борьбы на Западе.

Кроме того будет напечатано около пятидесяти литературных портретов виднейших писателей народного фронта, испытанных борцов против фашизма — Ромэн Роллана, Густава Регера, Томаса Манна, Генриха Манна, Леонова Фейхтвангера, Андре Мальро, Эптона Синклера, Синклера Майлса, Малькольма Каули, Поля де Крюя, Рамона Х. Сендера, Рафаэля Альберти, Пья-эль-Белтрана и др.

В критическом и публицистическом отделах печатаются статьи: Е. Кипович — «Максим Горький и Запад» и обзор зарубежной прессы на тему «Эволюция представлений Запада о Советском Союзе за 20 лет».

Редакция собралла отзывы крупнейших писателей Западной Европы и Америки о достижениях Советского Союза.

В издании «Интернациональной литературы», выходящих на английском и французском языках, центральное место в разделе художественной литературы займет поэма-фильм Вс. Вишневского «Мы — русский народ». Будут помещены также отрывки из повести А. Толстого «Оборона Царицына».

Ряд итоговых статей ознакомит иностранного читателя с достижениями советской литературы за 20 лет. В номере он найдет хронику документов «История советской литературы», обзор В. Перлова — «Советская литература за 20 лет» и статью К. Зеллинского — «Литературный герой и русский народный характер».

Статьи-портреты будут посвящены Горькому, Коллцову и Маяковскому.

Книжная

хроника

Издательство
«Советский писатель»
выпускает:

★ Рассказы Андрея Платонова. Сборник рассказов, объединяющий работы писателя последних трех лет. Часть рассказов публикуется впервые.

★ «Путем песни» Ап. Суркова. Сборник стихов о Красной Армии, ее боевом пути, о красноречивых и командирах, о людях, выросших вместе с революцией.

★ Рассказы Вас. Гроссмана. В книге собраны лучшие произведения писателя о гражданской войне и новых чувствах социалистического человека: «В городе Бердичеве», «Счастье», «Сны», «Запальщики», «Товарищи» и др.

★ «Современные рассказы» Мака Зингера. Сборник рассказов о смелых и упорных работниках Советского Севера, о моряках, летчиках, врачах, радистах. Отражена также жизнь и быт народов Севера.

Полгода Всесоюзной
пушкинской выставки

16 августа исполнилось полгода со дня открытия в залах Государственного Исторического музея в Москве Всесоюзной пушкинской выставки, организованной по решению правительства в ознаменование 100-летия со дня смерти величайшего русского поэта.

Пушкинская выставка пользуется огромной популярностью. Десятки экскурсий из отдаленнейших районов Союза приезжают в Москву специально, чтобы побывать на выставке. В огромных залах ее можно встретить и загорелого хлопкороба из Таджикистана, и коренастого ненца с далекого Таймырского полуострова.

За 6 месяцев на выставку побывало свыше 325 тысяч человек, ее посетили 4500 экскурсий.

Всесоюзная пушкинская выставка продолжает пополняться все новыми и новыми экспонатами и материалами.

Тысячи советских граждан прислали на выставку свои добровольные взносы — книги, картины, скульптуру, различные материалы, связанные с Пушкиным.

Значительно пополнился отдел «Пушкин и мировая литература». Через ВООС, союз писателей и другие организации были получены юбилейные издания произведений Пушкина, книги, журналы. Поступили также материалы из Франции, Англии, США, Чехословакии, Швеции, Италии, Турции и других стран. Кроме того получены многочисленные материалы, характеризующие широкий размах юбилейных пушкинских празднеств за границей, интерес широких читательских масс к Пушкину к творчеству великого поэта.

ДИН.

Литературная жизнь
на московских заводах

Литературный коллектив завода им. Фрунзе пишет к двадцатой годовщине Великой пролетарской революции пьесу «Мотор». Ее сюжет — стержень — изготовление нового мотора для самолета, который должен полететь по Сталинскому маршруту.

Пьеса показана работникам рабочих кадров, их производственным быт, борьба с классовым врагом и т. д. Идеи пьесы: все рабочие заводы должны работать так же четко и хорошо, как созданный ими замечательный мотор.

На том же заводе проводится конкурс на лучшую массово-революционную пьесу к двадцатой годовщине Великой пролетарской революции. В жюри конкурса вошли и представители союзов советских писателей и композиторов.

В юбилейные пушкинские дни на Электростанции им. Куйбышева начал работать коллектив рабочих-рецензентов. Члены этого коллектива выступили с докладами на читательских конференциях и со статьями в многотиражке о Пушкине, а затем о Горьком.

Активно работают они и в настоящее время над статьями и рецензиями. Коллективщики электромашин

т. А. Панферов поместил в заводской газете от 10 августа большую рецензию о повести А. Первенцева «Кочубей». Шрифтовик роторной мастерской А. Малого написал рецензию об «Односторонней Америке» Ильфа и Петрова, о повести В. Курочкина «Моя товарищи», о «Закономерности» Н. Витуса, о романе Э. Панферова «Творчество» и др. Сейчас т. Малого готовят две большие статьи: «Обзор советской литературы за 1936-1937 г.г.» и «Обзор работы издательства». В последней статье он говорит о неполадках в работе наших издательств с точки зрения рабочего-читателя.

В библиотеке завода «Художественная устроена выставка художественной литературы, отражающей жизнь наших героев-летчиков».

В цехах проводятся беседы и чтения повестей и рассказов об авиации. — Молодежь завода, — говорит сотрудник заводской библиотеки т. А. И. Колоколкина, — требует художественную литературу, посвященную авиации. Эти книги никогда не стоят на полках. Особенно хорошо читаются: «Мечта пилота» — М. Володькина, «Моя биография только начинается» — Н. Каманина, «Хочу быть летчиком» — Н. Боброва.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

«Правда» в статье «Дела издательства «Молодая гвардия» разоблачила врагов, провалявшихся в издательство, чтобы «протрясать духовный лд, отравлять сознание молодых людей советской страны».

Эта статья дала мощный толчок развитию в издательстве критики и самокритики.

На общем собрании работников издательства, когда его бывший директор Лещинер уже не мог заставить самокритику сотрудников, последние вскрыли создававшуюся им атмосферу вероломства и обмана.

Помимо того, что «руководители» «Молодой гвардии» саботировали издание книг, необходимых для большевистского воспитания молодежи, средства издательства тратились на выпуск вредной литературы.

Для переиздания книги «Рожденные бурей» в издательстве печатали бумагу, но для вредной книги «Казачья клытва» Верхнего бумажного завода нашла и притом хорошую. Мало того, уже после запрещения этой книги издательство выпустило ее тиражом на рынок. Когда сотрудник т. Долгова пришел в Лещинеру поговорить об этом безобразном факте, он не принял. Об этом рассказала соборница сама т. Долгова.

Лещинер и Вальберг, — секретарь паркома — покрывали действия Лещинера, орудовавших в издательстве, за-

щичали бездельников, подкармливали их из государственной казны.

Все это в благодарность за лезть и подхалимскую преданность.

Финансовое положение издательства оказалось весьма напряженным.

План сдачи продукции выполнен только на 46 процентов, типография недоборудована, редакционный портфель переполнен плохо выполняемыми договорами.

Общее собрание, признав статью в «Правде» правильной, наметило ряд мер для оздоровления издательства. Не чувствуется уже твердой направляющей руки в работе редакционного сектора. Наиболее интересные книги, которые должны выйти во втором полугодии, не сланы еще в производство. Из намеченных планом к выпуску 34 названий в редакцию поступили только 14 рукописей.

Отдел оформления до сих пор не укомплектован.

Явно невыгодные для издательства договоры не расторгнуты.

Мало что сделано для оздоровления финансов.

Надо мобилизовать все силы для реализации поставленного партийного и общего собрания работников издательства «Молодая гвардия».

ГОМОВ

Книжки

Детиздата

В ближайшие дни появятся в продаже новые книги, выпущенные Ленинградским отделением Детиздата ЦК ВЛКСМ.

Сказки Андерсена вышли повторным изданием с иллюстрациями В. Конашенца.

«Почта» Маршана издана в новом художественном оформлении, с рисунками М. Цехановского. Это рядовое издание «Почты» выпущено 100-тысячным тиражом.

Вторым изданием, 25-тысячным тиражом выпущена повесть Марка Твена «Принц и нищий», переведенная с английского К. и Н. Чуковскими.

Многие из нас помнят с детских лет прекрасную книжку В. Буша о шалунах Максе и Морисе. Детиздат выпустил теперь книжку В. Буша «Пили и Пили» с рисунками автора, вольном переводе Даниила Хармса. Макса и Мориса заменил Пауль и Петер, и книжка рассказывает малышам о забавных приключениях двух собачонок.

С. ИПОЛИТОВ

Предупреждение

Петру Орешину

Бюро секции поэтов союза советских писателей вынесло решение по поводу антиморального поведения поэта Петра Орешина в Отделе отдачи Литфонда в ГИТХ (см. письмо в редакцию ряда писателей в № 41 «Литературной газеты» от 30 июля 1937 г.).

Бюро секции объявило Петру Орешину за антиморальное хулиганское поведение, позорящее звание советского писателя, строгий выговор и предупредило его, что повторение подобных поступков поставит Орешина вне рядов советской литературы.

Поправка

В прошлом номере «Литературной газеты» в заметке «Разговор с писателем Бабелем» допущена опечатка: вместо «Писатель Илья Бабель» следует читать — «Писатель Исаа Бабель».

Ответственный редактор

Л. М. СУБОЦКИЙ

ИЗДАТЕЛЬ:

Журналино-газетное объединение

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка,

Последний пер. д. 26, тел. 69-61.

Издательство: Москва, Стрешний

буль. 11, тел. 4-68-18 и 8-61-69.